

Ма ещѐ
ШТУЧКА
ЕКАТЕРИНА РИЗ

Екатерина Риз
Та еще штучка

«Издательские решения»

Риз Е.

Та еще штучка / Е. Риз — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-535452-5

У красивой девушки с интересным именем Серафима обычная жизнь — муж, работа, ипотека. Она совершенно чиста перед законом. Но это лишь одна сторона её жизни. Другим и близким Серафимы совершенно невдомек, какую тайну она старательно хранит и от какого прошлого бежит без оглядки уже много лет. И всего одно знакомство, одна фотография, попавшаяся на глаза не тому человеку, может с легкостью разрушить её тщательно выпестованную жизнь провинциального обывателя.

ISBN 978-5-00-535452-5

© Риз Е.

© Издательские решения

Содержание

ГЛАВА 1	6
ГЛАВА 2	18
ГЛАВА 3	30
ГЛАВА 4	42
ГЛАВА 5	55
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Та еще штучка

Екатерина Риз

© Екатерина Риз, 2021

ISBN 978-5-0053-5452-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ГЛАВА 1

Я сидела напротив золовки, выслушивала её сбивчивые речи, наблюдала, как она утирает слёзы, всхлипывает, но, если честно, совершенно не знала, что Любе сказать. Как её успокоить, какие слова найти, как изобразить достаточную степень жалости. Жалости во мне было совсем немного, мне, по этому поводу, было немножко стыдно, но куда больше меня беспокоило то, что совсем скоро Люба всхлипывать перестанет и потребует от меня поддержки и какого-то совета. А у меня кроме слов: «Вот дура», в голове ничего не было.

Между прочим, я Любу не раз предупреждала, причём давно. И даже говорила ей в откровенном разговоре, что она, на самом деле, дура. Что пора бы уже включить голову, в конце концов, ей давно не восемнадцать лет. А, простите, целых тридцать исполнилось два месяца назад. И уже пора бы начинать соображать и хоть как-то проявлять благоразумие. Не влюбляться до помутнения в глазах в первого встречного-поперечного.

Мы с Любой были практически ровесницами, я лишь на год постарше. Но порой мне казалось, что сестра бывшего мужа разумом осталась где-то в юности. Поэтому к своим тридцати годам так ни разу и не вышла замуж, не родила ребёнка, не устроила личную жизнь, хотя, казалось бы, все предпосылки к этому у неё были, и не единожды. А помимо предпосылок огромное, жгучее желание выйти замуж, найти своего единственного. Может быть, в этом самом желании Люба и усердствовала чрезмерно, чем всех потенциальных женихов и распугивала. Казалось бы, что вот, очередной претендент заглотил крючок, начинаются разговоры о свадьбе, о семье, Люба мчится в свадебный салон за платьем, влюблённые выбирают кольца, но проходит совсем немного времени, и жених вдруг самоустраивается из Любиной жизни. Вы не поверите, но каждые отношения золовки прерываются именно на этом моменте, и у неё уже скопилась коллекция купленных, но так и не пригодившихся свадебных колец. И она её зачем-то хранит, дорожит ею. По мне, так это смахивает на мазохизм. Я бы давно от всех подобных воспоминаний избавилась, взяла бы и выбросила. В конце концов, эти кольца несут в себе негативную энергетику, настрой на неудачу. Я хоть в такие вещи не особо верю, но хранить кольца и свадебные платья, которые не принесли счастья, считаю неправильным. Зачем смотреть на них и каждый раз расстраиваться? Нужно закрывать двери в прошлое, жить дальше, стараясь не оглядываться лишней раз. Только выводы из произошедшего не забывать делать. И Любе я всё это не раз говорила, но меня не слушали. Меня, вообще, всерьёз не воспринимали почему-то. Наверное, из-за моей внешности.

Внешность у меня примечательная. Кукольная. Огромные синие глаза, фарфоровая кожа, светлые волосы до плеч. И улыбаться я всегда умела. Вот только не подумайте, что я считаю доставшуюся мне красоту – везением. Когда-то считала, по молодости, да по глупости. А затем устала. Устала доказывать всем вокруг, что я могу ещё что-то, кроме как улыбаться и хлопать ресницами, что в моей голове тоже есть мысли, причём вполне себе серьёзные и трезвые. Окружающие, особенно мужская половина, воспринимали меня, именно как куклу. Всем хотелось меня взять за руку, потрепать по щеке, а ещё лучше по коленке, и пообещать какую-нибудь глупость. На которую я, кстати, уже давно не ведусь, и в чистую любовь и вечную преданность не верю.

А вот Люба была моей полной противоположностью. Начиная с внешности и заканчивая жизненными установками и мыслями, что обретались в её голове. Люба была женщиной, как говорится, в самом соку. Совсем не походила на трогательное создание. Чуть полноватая брюнетка с красивыми формами, томным взглядом и алой помадой на губах. Мужчины её замечали, поначалу ели её полную грудь и округлые бедра глазами, вполуха слушая Любину болтовню, некоторые даже жениться хотели, на полном серьёзе, а затем что-то происходило, наверное, первый дурман сходил, они начинали прислушиваться к Любиному бесконечному

щебетанию, и любовь куда-то улетучивалась. Бежали женихи от Любы с той же скоростью, с которой совсем недавно намеревались создать с ней семью.

Вообще-то, я не считала это справедливым. Люба была неплохой девчонкой, она добрая и заботливая, вот только любовь у неё какая-то слепая и удушающая. Думаю, именно это мужиков от неё, в итоге, и отпугивало. Никому не хотелось через какое-то время оказаться связанным по рукам и ногам, закормленным заботой и любовью, при этом, совершенно не понимая, что с этой самой любовью делать. Люба из тех женщин, что любят кидаться любимому на шею, не целовать на прощание или при встрече, а покрывать поцелуями все лицо, прихватывая шею и плечи. За любимого человека она цеплялась, плакала, если приходилось расставаться, психовала, если любимый задерживался на работе, а каждый упрек в свою сторону воспринимала, как настоящую трагедию и могла впасть в истерику. Пережить всё это было трудно, а мужчины и, вовсе, существа ранимые. И хотя говорят, что мечтают о женщине, которая будет их беззаветно любить, именно беззаветной, сумасшедшей любви и пугаются. С ней же нужно что-то делать, нести за эту самую любовь ответственность. Способны на это немногие, видимо, Люба такого человека ещё не встретила. Который силы её любви не испугался бы.

Точнее, это я считала, что она достойного мужчину ещё не встретила, возможно, я была предвзята, а, возможно, со стороны лучше видно, но Люба никак со мной по этому поводу не соглашалась. Отказывалась прислушиваться к словам и доводам. Ведь десять месяцев назад её посетило очередное всепоглощающее чувство. По которому Люба в данный момент слёзы и льёт. И ладно бы она страдала из-за сорвавшейся в очередной раз свадьбы, это полбеды. Но в этот раз всё было куда хуже и печальнее. И именно поэтому у меня не было слов для золовки, кроме, как «дура» и «я же тебя предупреждала». По крайней мере, пыталась предупредить, но Люба, конечно же, не прислушалась и не услышала.

Звали его Денис. Денис Прохоров. Он был старше Любы на десять лет, выглядел солидно и чересчур уверенно, какой бы ситуации дело не коснулось, Денис вёл себя так, будто в состоянии любые тучи развести руками. Первоначально все родственники Любы, включая меня, вздохнули с облегчением. Ну, наконец-то, встретился их дочечке настоящий мужик. И пусть постарше, зато все проблемы возьмёт на себя. Денис именно так себя и позиционировал: он всё решит сам, он несёт полную ответственность и за Любу, и за их отношения. Любовь расцвела. Во всех смыслах. И сама Люба, и её чувства заалели буйным цветом. Чувства, вообще, разгорелись молниеносно, вспыхнули, как солома на солнцепёке. Люба не ходила по земле, она летала. Не разговаривала с людьми, она вновь щебетала, и все темы касались её любимого Дениски. Странно было звать Дениской стокилограммового мужика с сединой, пусть и красивой, на висках. Глупо звучало, но только не из уст влюблённой женщины.

Денис оказался человеком предприимчивым, насколько поняли все родственники, и я в том числе, достаточно обеспеченным, вскоре после начала отношений он заявил, что не хочет, чтобы Люба утруждала себя работой, лучше пусть сидит дома и занимается этим самым домом и семьёй. Понятное дело, что после этих слов – «дом» и «семья», произнесённых Денисом через месяц после знакомства, Люба мгновенно растаяла. Просто лужицей у его ног растеклась, и помчалась на официальное место трудоустройства, писать заявление по собственному желанию. Если честно, я после такого широкого жеста мужской щедрости и настояжилась. Все остальные родственники, включая моего бывшего мужа и свекровь, всё ещё надеялись на то, что чудо свершится, и Люба окажется пристроенной, а точнее, сбагрённой на руки достойного мужа. А вот я в достоинства Дениса уже не слишком верила.

Не сразу, но выяснилось, что Денис не из нашего города. Сюда он, якобы, приезжает по работе, жилья своего не имеет, так как ни к чему, останавливается в гостиницах, но в случае женитьбы, конечно же, они с Любой купят квартиру. Сама Люба жила в однушке в спальном районе, доставшейся ей от бабушки, и, если честно, особо от тесноты не страдала. Даже собираясь раз за разом замуж, ни разу на территорию потенциального жениха не съезжала. Жила

она в компании огромного кота Василия, так же, перешедшего ей по наследству от любимой бабули, но Дениса такое положение дел, по всей видимости, не устраивало. Он далеко не единжды, на семейных посиделках, заговаривал о том, что сразу после свадьбы, они с Любой купят квартиру. Почему-то вопросов ему никто не задавал. Хотя, на месте близких родственников я бы поинтересовалась, что он имеет в виду под «купим». Например, на какие деньги, где именно, и как, вообще, предполагается обустроить семейную жизнь молодожёнов. У меня, при общении с щедрым кавалером Любы, вопросов возникало всё больше и больше. Но Любой намёк на подозрение воспринимался в штыки. Люба сразу начинала нервничать, а то и плакать. Вот только я понимала, что происходит это после её разговора один на один с женихом. Потому что в момент беседы Люба особо внимания на чужие слова не обращала. А после того, как Денис ей на них указывал, начинала видимо волноваться и печалиться. В конце концов, я сказала себе постоять в стороне и понаблюдать за развитием событий. События развивались почти год, а, точнее, десять месяцев, и вот теперь я сижу, слушаю Любины всхлипывания и в какой-то мере чувствую себя виноватой. Может, не нужно было молчать так долго? Ведь мне давно стало понятно, что что-то происходит. Вот только я отвлеклась на собственные проблемы, полгода назад развелась с мужем, и давать советы вроде как бывшей родственнице, несмотря на то, что считала её подругой, мне показалось неловким. Люба все эти месяцы выглядела оживлённой, счастливой, и я всё же надеялась, что ошибаюсь в своих подозрениях, что она будет счастлива. И что свадьба всё-таки состоится. Кстати, до свадьбы оставалось всего две недели.

Я, между прочим, платье себе купила...

– Сима, что делать? – в очередной раз всхлинула Люба, растирая слёзы по щекам. Она сидела на диване в своей маленькой комнатке, поджав под себя ноги, и совсем не выглядела тридцатилетней женщиной. Выглядела, словно обиженный подросток. Ревела, всхлипывала и не могла ничего толком рассказать. Каждое слово приходилось вытягивать из неё клещами.

– Успокойся, – сказала я ей. А Люба после этого ещё пуще залилась слезами.

– Я не хочу успокаиваться, – голосила она. – Я замуж хочу!

– Выйдешь.

– Не выйду, – всхлинула она. – На мне рок! Как его... венец безбрачия!

Я усмехнулась.

– Кто тебе это сказал?

– Женщина одна. – Люба перестала всхлипывать, посмотрела на меня, страшно выпучив глаза. – Мне Анжелка с работы её адрес дала и номер телефона. Она на картах гадает. Всё-всё говорит. Давай сходим?

Я едва не поперхнулась чаем, что пила.

– Я?

– А что? Тебе тоже надо, ты тоже несчастная.

– Чем это? – решила не согласиться я.

– Так развелась же!..

– Это не показатель моего несчастья. Вдруг, наоборот, к счастью?

– К какому? – горестно спросила Люба. – К одиночеству?

Доказывать что-либо несчастной женщине, было бесполезно, и я промолчала. Что я Любе должна была сказать? Что совершенно не расстроена разводом с её братом? И что у меня были свои, достаточно веские причины, как для развода, так и для брака с ним когда-то?

Но у Любы я всё-таки решила поинтересоваться:

– И что, ты собралась идти к гадалке?

– А что такого? Пусть скажет мне: любит меня Денис или нет. Женится или нет!

– По-моему, кроме Дениса, на эти вопросы тебе никто не ответит. Ты с ним говорила?

– Я не могу до него дозвониться.

– Он трубку не берёт?

Люба пожала плечами.

– Его телефон недоступен.

– Но он в городе?

– Я не знаю, – снова ударилась в слёзы Люба.

– Какой-то глупый повод для ссоры, – проговорила я. – Твоё опоздание в кафе. Ты вечно везде опаздываешь, он прекрасно это знает.

– Денис сказал, что ему это надоело.

– И он собрал вещи и уехал?

– Сказал, что ему надо подумать. Сима, а вдруг он не вернётся? Что мне тогда делать?

Я вздохнула.

– Отменять свадьбу. Ресторан, музыкантов, ведущего и торт. Ты же знаешь.

– Знаю, – вдруг завывла Люба, уткнувшись в подушку. – В том-то и дело, что я знаю! А я не хочу, я его люблю!

Я ждала, пока Люба проплачется, слушала её всхлипывания, а сама окидывала комнату задумчивым взглядом. После чего взяла и спросила:

– А ты проверяла, у тебя ничего не пропало?

Этот вопрос сам собой слетел с моих губ. А Люба вдруг умолкла, голову от подушки подняла и посмотрела на меня заплаканными глазами. Моргнула.

– Ты о чём?

Я осторожно пожала плечами.

– Ну... о всяком.

– О золоте, что ли?

– Хотя бы.

– Сима, ты с ума сошла? Зачем Денису мои цепочки с колечками?

Я снова плечами пожала, просто потому, что сказать было нечего. Точнее, что сказать мне было, а вот как донести смысл моих слов до влюблённого сознания Любы, я не знала. А золовка тем временем поднялась с дивана, и твёрдым шагом направилась к комоду, выдвинула ящик и достала шкатулку для украшений.

– Ты знаешь, сколько мне Денис подарил колечек? Вот, смотри!

Разглядывать чужие подарки особо желания у меня не было, но я послушно посмотрела. Люба подошла ко мне, сунула мне перстень с большим голубым камнем.

– Это, к твоему сведению, топаз! Настоящий!

Я покрутила перстень в руке, разглядывая. Мне захотелось вздохнуть ещё сильнее, а на родственницу я взглянула с сожалением.

– Люба, это не топаз. И даже не золото.

– Что? – переспросила она растерянно. И тут же обиделась: – Что ты выдумываешь?

– На нём даже пробы нет, – попыталась донести до неё я. – Скорее всего, это позолота.

– Дениска говорил, что оно принадлежало его маме.

– А что ты знаешь про его маму? Где она?

– Умерла. У него все родственники умерли.

– Как удобно...

– Что ты имеешь в виду?

Я до конца сама не понимала, что же я имею в виду. Просто интуиция всю бунтовала против этого самого Дениса, давным-давно. Но моего мнения никто не спрашивал, и я с ним не лезла. А вот теперь Люба хочет от меня утешения. Точнее, утешения она хочет ото всех – и от меня, и от брата, и от родителей, вот только у меня подозрение, что утешать её – не самое подходящее время. Нужно бежать и отменять свадьбу, чтобы родители моего бывшего мужа не понесли лишних расходов. Они, обнадёженные перспективой замужества любимой дочери и, по всей видимости, поверив словам очередного жениха, взяли львиную долю

расходов по этой свадьбе на себя. И я понимала, что нужно быстрее звонить, нужно быстрее что-то делать, а вместо каких-то действий Люба на меня, судя по всему, решила обидеться.

– Я тебя не для того позвала, чтобы ты меня расстраивала, – сказала она.

– А для чего?

– Чтобы помогла мне Дениса найти.

Я удивлённо на неё взглянула.

– Как ты себе это представляешь? Я что, по-твоему, сыщик?

– Ну, у тебя же подруга замужем за полицейским. Юля Снегирёва. Можешь её попросить?

Я помолчала, раздумывая, могу я или не могу. В промежутке решила поинтересоваться:

– А где ты предлагаешь его искать?

Люба развела руками.

– Я не знаю, на это же есть полиция. Я хотела подать заявление о пропаже человека, но у меня его не приняли.

«Ещё бы!..»

– Сказали, что он взрослый, и, скорее всего, пообижается, успокоится и вернётся. Сказали: «Ждите». А я не могу ждать! Я его люблю, я переживаю!

– Хорошо, – сказала я после короткой паузы. По правде говоря, мне стало Любу жаль, захотелось ей как-то помочь. – Давай его поищем. Я попрошу мужа Юли что-нибудь сделать, – я развела руками, – правда, не совсем представляю, что именно. А пока давай сами подумаем, где твой Денис может быть. У него есть здесь друзья?

– Друзья? – озадачилась Люба. – Я не знаю. Он меня ни с кем не знакомил.

Я на золовку смотрела. Озадаченно и обеспокоенно.

– Совсем ни с кем?

Она головой качнула. И тут же принялась жениха выгораживать:

– Он же не из этого города, Сима! Откуда у него здесь друзья? У него здесь только я!

– И что, за десять месяцев он ни с кем, кроме тебя, не общался? Как такое может быть?

А его работа?

Люба смотрела на меня непонимающе.

– Что работа?

– Он же приезжал сюда по работе, жил в гостинице. Ты сама говорила. Где он работал и с кем?

– Я не знаю, – опять повторила она. А встретив мой взгляд, воскликнула: – Сима, он же бизнесмен! Он встречался то с одним, то с другим! Я же с ним на встречи не ездила!

– Но деньги-то он как-то зарабатывал? Или нет?

– Конечно, зарабатывал, – обиделась Люба за любимого. Обиделась, но спустя секунду негромко и осторожно призналась: – В первые месяцы. А потом нам родители помогали.

Обо всём этом я слышала в первый раз. И была несказанно удивлена.

– Помогали? Деньгами?

Люба вдруг решительно кивнула, откуда-то набравшись уверенности.

– Конечно. Денис хотел перевести свой бизнес в наш город, для этого требовались средства и время. Поэтому он временно остался без денег. Но это же было временно, а мы одна семья, что такого, если родители нам немного помогли? Мы бы потом им всё вернули!

– А какой у него бизнес, Люба? Чем он, вообще, занимается?

Люба неопределённо поводила в воздухе рукой.

– У него серьёзный бизнес, большой. Что-то связанное с недвижимостью... с продажами.

– Так с недвижимостью или с продажами?

– Сима, что ты пристала?! – вышла золовка из себя. – Всё у нас нормально! Мы офис подбирали, большой. Нужно было нанять сотрудников, закупить мебель и оборудование!..

– Оборудование для чего? Если он занимался недвижимостью? Что он собирался на этом оборудовании делать? Столы со стульями для сотрудников стругать?

Люба прищурила красивые, карие глаза. Взглянула на меня с осуждением. Спросила:

– Ты издеваешься надо мной?

Я же отрицательно качнула головой.

– Нет. Я понять пытаюсь.

– Что? Я обратилась к тебе не для того, чтобы ты что-то понимала, а чтобы помогла!.. Нужно Дениса найти, с ним поговорить! Я уверена, что, когда мы с ним поговорим, он успокоится и всё будет хорошо. Мы поженимся, и будем жить счастливо.

– Хорошо, если так.

Вот только я не была уверена, что Денис хочет, чтобы Люба его нашла.

– Скажи мне честно, – попросила я, – ты что-то подписывала? Он приносил тебе на подпись какие-нибудь бумаги?

– Бумаги? – удивилась золовка. – Какие бумаги?

– Хоть какие-нибудь.

– Ничего я не подписывала, – уперлась она. – Зачем мне подписывать его бумаги? Я же ничего в бизнесе не смыслю.

– А что не касается бизнеса?

Люба дёрнула плечом.

– Только на квартиру.

– На квартиру? – У меня уже в тот момент практически пропал дар речи, потому что я поняла – дальше ничего хорошего не услышу. – На твою квартиру?

– Нет, конечно. На нашу с ним общую. Мы же квартиру купили, Сима! Мы же собирались давно, и вот, купили.

– А почему ты об этом ничего не сказала?

– Ну... почему, почему? Мы решили всем сюрприз сделать, на свадьбе всем рассказать. И родителям тоже, чтобы все порадовались вместе с нами.

– Расскажи поподробнее.

Люба вздохнула, закатила глаза, и начала говорить, как бы неохотно, словно я из неё клещами на божий свет великую тайну вытягивала.

– Мы купили трехкомнатную квартиру, в новом жилищном комплексе «Сфера». В центре города который.

– Круглый дом?

Люба наконец улыбнулась и гордо кивнула.

– Да. На прошлой неделе съездили, квартиру выбрали... Сима, какой оттуда вид открывается! Просто очуметь! Десятый этаж. И комнаты такие просторные, а кухня просто огромная, не чета моей!

– И вы её купили?

– Ну да. Денис сказал, что лучше сделать это до свадьбы, чтобы всех удивить. Но ты не думай, – тут же всполошилась она, – я не дура, я всё понимаю. Квартира на меня будет оформлена, Денис сам на этом настоял. Это будет моё имущество, добрачное. Разве он не молодец у меня?

Я пока с выводами не торопилась. Уж слишком всё получалось радужно с Любиных слов.

– То есть, он подарил тебе квартиру? Ты совсем недавно говорила мне, что у Дениса проблемы в бизнесе, и вам родители помогают.

– Помогают, конечно. А квартиру подарил. – Кажется, она хвасталась. Кокетливо склонила голову на бок. – Но я, конечно, в стороне не могла остаться. Мы эту квартиру продали, деньги в залог той внесли, а остаток взяли в кредит. Денис будет его выплачивать. Я же дома сижу, не работаю.

Я золовке улыбнулась, не зная, что ещё сделать.

– А кредит вы на кого оформили? – спросила я.

Люба в растерянности моргнула.

– Я не знаю. Какая разница?

– И, правда, – пробормотала я в сторону, – какая разница?

– Мы много бумаг подписывали, и я, и Денис. Мы всё делим поровну.

– Очень в этом сомневаюсь.

– Сима, перестань меня пугать. – Люба кинула в меня маленькой розовой думкой. –

И путать.

А я задала ей прямой вопрос:

– Люба, ты продала эту квартиру?

– Ну да, зачем она мне, если мы в трёшку переедем?

– И деньги за неё получила?

– Деньги пошли в залог новой, ты что, меня не слышишь?

– И когда тебе нужно съезжать?

– После свадьбы, конечно же, мы так и договорились. Через два дня после свадьбы.

Стало понятно, что Юлькиному мужу звонить всё-таки придётся. Хотя, кто бы знал, как мне не хотелось. Вообще, в это дело мне вмешиваться не хотелось, но Любу было жалко. И родителей её было жалко. Несмотря на то, что я с их сыном развелась, всегда считала их хорошими, правильными людьми. И оставлять их в трудной жизненной ситуации было неправильно.

Бывали в моей жизни моменты, когда мне безумно хотелось закурить. Я не курила уже много лет, но моменты такие меня подбивали пойти и купить пачку сигарет. Сесть, закурить и подумать. Иначе хоть за голову хватайся и кричи во всё горло. Мне вот кричать хотелось, а Люба лишь с печальным лицом продолжала сидеть на своём диванчике, поджав под себя ноги и прижимая к груди подушку в виде сердца. Вздыхала и страдала по своему Дениске, который неожиданно куда-то от неё скрылся. Куда он скрылся, мне было и без того понятно, а вот Любе ещё нет.

– Одевайся, – сказала я ей.

Золовка вскинула на меня удивлённый взгляд.

– Зачем?

– Квартирой поедешь хвастаться. Ты же её купила? Имеешь право.

– Так у меня ключей ещё нет, – осторожно заметила Люба.

– Что, Денис забрал?

– Ну да... Он же ремонт делает.

Я смотрела на родственницу с жалостью. Затем мне пришла в голову мысль, как её подстегнуть хоть к каким-то действиям.

– Так может он там, Люба, на квартире? Просто телефон выключил?

Она мои слова обдумала и уже через пару секунд просияла.

– Ты думаешь?

– Проверим, – проговорила я, несколько не веря в свои предположения. Уж слишком явной была схема мошенничества, которую провернул некий Денис Прохоров с влюблённой в него дурочкой Любой. Я была уверена, что никого и ничего мы в этой квартире не найдем. Но необходимо было убедиться, чтобы просить мужа подруги что-нибудь предпринять. Да и чем чёрт не шутит, вдруг я просто привыкла думать о людях плохо, а жених моей золовки на самом деле делает ремонт в их новой квартире перед знаменательным днем бракосочетания?

Пока Люба спешно собиралась, на скорую руку делала макияж, по всей видимости, уверенная, что совсем скоро встретится с потерянным любимым, я вышла на балкон и набрала номер бывшего мужа. Он трубку взял не сразу, чему я, правда, не удивилась. Мы с Серегой раз-

велись полгода назад, и с тех пор у нас были довольно странные отношения. От общения друг с другом мы были не в восторге, но общаться нам приходилось, просто потому, что мы до сих пор не могли разъехаться и обитали на одной жилплощади. Квартира у нас была общая, купленная на мои небольшие сбережения, а свою половину Серега взял в ипотеку, которую до сих пор исправно выплачивал. И из-за того, что часть его зарплаты ежемесячно уходила на ипотечные платежи, съемное жилье он себе позволить не мог. А я тоже не понимала, почему я должна съезжать с жилплощади, которую уже когда-то оплатила, и тратиться на съем, даже если совместное проживание с бывшим супругом меня не радовало и казалось странным. Вот и жили мы уже не первый месяц под одной крышей, пытаюсь как-то жилищный вопрос решить. И я подозревала, что Серега отчаянно тянет время, чтобы выплатить ипотеку, а до этого радостного момента ещё год, и после этого уже продать нашу с ним квартиру по выгодной цене, забрать свою половину суммы, и тут же влезть в новые долги, но уже полностью своих метров. Я же надежды на разъезд не теряла, исправно искала для нас способы разменяться, а бывший муж упорно ставил мне палки в колёса. От этого всего наши с ним отношения всё больше портились, жили, словно два соседа, будто и не были никогда женаты.

Вот он и не торопился отвечать на мой звонок. А когда его голос всё-таки послышался в трубке, вместо приветствия мне сухо сообщили:

– Я работаю.

– Очень за тебя рада, – сообщила я ему. – Подъезжай к ЖК «Сфера» через полчаса. Мы приедем туда с Любой.

– Зачем?

Я вздохнула.

– Твоя сестра купила там трехкомнатную квартиру. Вот только у меня подозрение, что купила она её не себе.

К новому, ещё не заселённому полностью дому, мы с Любой подъехали первыми. Я сама была за рулём, у меня был старенький «ниссан», и я всегда с удовольствием садилась за руль. Люба всю дорогу рассказывала мне о том, что Денис обещал подарить ей машину, и, кажется, по её поднявшемуся настроению, она не сомневалась в том, что мы застанем её любимого в их новой квартире, шпаклюющим стены.

– Тоже пойду на курсы, научусь водить, – мечтательно вздыхала золовка. – Я всегда завидовала тому, как ты машину водишь. Я тоже так хочу.

– Я больше десяти лет за рулем, Люба, я тебе говорила. Не жди от курсов вождения чуда.

– Я и не жду. Меня Дениска поучит.

Я промолчала, смотрела на дорогу, и думала о том, как донести до сестры бывшего мужа, что всё плохо. Я прямо чувствовала, что плохо.

Не дожидаясь появления Сергея на улице, мы решили подняться к нужной квартире. Люба помнила её номер, и уверенно провела меня по нужному этажу. Вот только подниматься нам пришлось на десятый этаж пешком, лифт ещё не работал. Но Любу это препятствие не остановило, она бодро шла по ступенькам вверх, не обращая внимания на высокий каблук своих туфель. А вот я, с тоской и отдуваясь, тащилась следом за ней, если честно, проклиная всё на свете. В особенности, её мифического жениха. Чтоб ему пусто было, ироду. Чтоб он на десятый этаж каждый день по десять раз поднимался, пешком.

Дверь квартиры оказалась заперта. Мы ещё в неё постучали, затем для убедительности ещё немного, прислушивались, пытаюсь уловить хоть шорох за дверью, но так ничего от этих действий и не добились.

– Нет его здесь, – сказала я в конце концов.

– Может, он в магазин вышел? – предположила Люба, а я скрипнула зубами. Мне очень хотелось схватить родственницу за плечи и хорошенько встряхнуть, чтобы она, наконец, поняла, в какой ужасной ситуации, а, точнее, полной заднице, оказалась. Вот только боюсь,

что это станет для Любы сокрушительным ударом, если она всё в полной мере осознает, весь обман, всю паутину лжи, которой её несколько месяцев окружали. Люба и без того человек доверчивый и не слишком практичный, продуманный, она живёт эмоциями и чувствами, а тут, получается, именно её чувствами, самыми чистыми, и воспользовались. Мерзость. Настоящая мерзость, недостойная ни мужчины, ни просто человека. Из-за всего этого я продолжала молчать, боясь нарушить остатки иллюзорного Любиного мира. Ведь, кажется, она по-настоящему этого Дениса любит, он внушил ей эту любовь, чтобы обвести вокруг пальца.

– Ну что? – спросил Серега, подходя к нам. Я стояла, уперев руки в бока, и смотрела на злосчастный дом. Бывший муж тоже на него уставился, хмурился и поджимал губы. Меня всегда смешили его беспомощные попытки состряпать серьёзное, обеспокоенное лицо. Не знаю, почему, но у него никогда не получалось. То есть, серьёзным Серега быть умел, проблемы решал, когда очень того хотел или припирало, но, когда он принимался специально хмуриться и задирать нос, выглядело это смешно.

Я на его лицо взглянула и тут же отвернулась.

– Нужно идти в офис застройщика, узнавать, кто и что купил. В квартиру мы не попадём, да и нет там никого.

– А ремонт?

– Ты шутишь?

Серега расстроено вздохнул, затем кинул на сестру возмущённый взгляд.

– Сколько раз тебе, дуре, говорили, чтобы ты ничего не подписывала?! Ты чего натворила?

Люба на брата обиделась, хлопнула на того длинными ресницами.

– А ты что на меня кричишь? Мы с Дениской квартиру купили. Вам всем какое дело?

– Какую ты квартиру купила, блаженная? Где она, эта квартира?

Люба глупо ткнула пальцем в дом.

– Там, на десятом этаже.

– И что, там твоё имя стоит, в бумагах на собственность?

– Конечно, – удивилась она. – Никакая я не блаженная. Сам дурак.

– Хватит вам, – попросила я. – Пойдёмте.

Офис застройщика и отдел продаж находился в соседнем доме. Вот только разговаривать с нами никто не стал. Серега бушевал, требовал позвать главного менеджера, а я стояла в стороне и за всем происходящим наблюдала. В конце концов, вытолкала Любу вперёд.

– Это – ваш покупатель, – сказала я молодому человеку в строгом костюме и при галстуке. – На прошлой неделе они с женихом приезжали подписывать документы. Ей-то вы можете дать информацию? Она покупатель, официальный.

Меня посверлили недовольным взглядом, после чего неохотно переспросили:

– Номер квартиры и паспорт покупателя.

– Квартира сто пять. Трешка на десятом этаже. Люба, паспорт молодому человеку дай. Кстати, вы её не узнаете? Они же были у вас на прошлой неделе.

– Я не каждый день в этом офисе работаю.

– Понятно.

– Нам девушка квартиру показывала, – влезла Люба. – А документы мужчина в возрасте оформлял.

Все промолчали. Молодой человек внимательно смотрел в экран ноутбука, Люба крутила головой по сторонам, оглядываясь, а мы с Серегой не сводили глаз с менеджера, ожидая приговора. Тот, наконец, качнул головой.

– Эту квартиру никто не купил, она всё ещё продаётся. Заявки есть, да, но под вашей фамилией – никого.

– А под фамилией Прохоров?

Молодой человек головой качнул, а Серега от души и никого не стесняясь, выругался. Только Люба посмотрела на него, на меня и переспросила:

– Что случилось? Мы не купили квартиру?

Я взяла золовку за руку, и мы все втроем вышли на улицу. Остановились. Я продолжала держать Любу за руку, а сама смотрела на Сергея.

– Надо идти в полицию, – сказала я ему. Тот подумал и кивнул. Только попросил:

– Родителям не говори.

Пришлось пообещать. Хотя, как тут не скажешь, когда нужно срочно отменять свадебный банкет, да и саму регистрацию?

Серега закурил, я видела, что он нервно переминается с ноги на ногу. Я представляла, что в этот момент творится у него в голове. Люба уже определённое количество времени не была мне родственницей, и её проблемы, как бы, ко мне отношения никакого не имели, и я могла не переживать, но мне было безумно неприятно от всего происходящего. И я бы даже бросилась на помощь, если бы знала, что могу помочь. Но чем тут поможешь? Люба вляпалась в негодяя. Не просто в труса или лжеца, а именно в негодяя.

В какой-то момент я поняла, что золовка стоит, отвернувшись от нас с Серегой, и смотрит на дом. Ещё совсем недавно она была уверена, что в этом новом, многоквартирном доме начнётся её новая, счастливая жизнь.

– Люб, ты чего? – спросила я её, тронув за локоть. Даже шаг к ней сделала, и тогда увидела её лицо. Люба смотрела на окна дома, а по её щекам текли слёзы. Я её потормошила: – Люба, не плачь.

– Сима, он меня обманул, – проговорила она негромко. И горестно всхлипнула. – Почему?

– Не почему, – разозлилась я и вздохнула. – Не почему, Люба, – повторила я ещё твёрже. – Просто потому, что он последний скот. Вложи себе это в голову и перестань плакать.

Люба снова всхлипнула, слёзы вытерла, но она не была сильной, никогда не была. Её даже не хватило на то, чтобы гордо вскинуть голову и сжать зубы, разозлившись. Золовка выглядела несчастной и потерянной, и я знала, что бесполезно просить её встряхнуться.

Любу домой вызвался отвезти Серега. Когда мы подошли к автомобилям, она сразу села на заднее сидение машины брата и захлопнула дверь, а мы с бывшим мужем остались на улице. Он снова курил, нервничая, он всегда много курит, а я стояла рядом с ним и невесело размышляла. Не сразу поняла, что муж меня разглядывает. А когда заметила, нахмурилась и переспросила:

– Что ты смотришь?

Серега усмехнулся, глаза отвёл. Затем плечами пожал. Мне пришлось толкнуть его под локоть. Эти его усмешки и молчаливые ужимки всегда меня безумно раздражали. Я понимала, что он что-то думает обо мне, наверняка, то, что мне не понравится, то, чего я за собой не замечаю, а подозрений я не любила. Мне всегда нужно было знать наверняка, что происходит и что у человека на уме.

– Ты знаешь, что ты очень опасная женщина? – проговорил он неожиданно.

Я даже рассмеялась. Повторила за ним насмешливо:

– Я – опасная?

– Может быть, я не так выразился... С тобой никогда не знаешь, что у тебя на уме. Ты можешь улыбаться, быть ласковой, доброй, а, на самом деле, замышлять убийство.

Я глаза на бывшего мужа вытаращила.

– Ты что говоришь-то? Какое убийство?

– Я образно, конечно. Но я прожил с тобой пять лет, Сима. И, знаешь, у меня такое чувство, что за пять лет ты не сказала мне ни слова правды.

Мой взгляд остановился на его лице. И взгляд этот был совсем не добрым, я пыталась добавить в него непонимания, какой-то лёгкой дурнинки, у Любы это здорово выходило, но я знала, что все мои попытки тщетны. Я могла лишь смотреть на Серегу и выражать недовольство его словами и предположениями. И всё, что смогла сказать ему, так это опять же недовольное:

– Не говори ерунды.

Бывший муж опустил глаза к носам своих кроссовок, затем послушно проговорил:

– Ладно, не буду.

Я тут же для отвода глаз принялась ворчать:

– Нашёл время мне претензии высказывать. О другом надо думать. Что теперь делать-то?

– Чёрт его знает. Надо попробовать Дениса найти, поговорить с ним по-хорошему.

Я лишь недоверчиво усмехнулась.

– Где ты его искать собрался?

– Думаешь, его уже нет в городе?

Я задумалась, потом плечами пожала.

– Кто знает... Надо узнать, обналичил ли он кредитные деньги. Если ещё не успел, значит, в городе, ждёт. А если на счету ничего нет... Тогда ищи ветра в поле.

– Поеду тогда в банк.

Я покивала.

– Поезжай. А мне на работу пора.

Я сделала пару шагов к своей машине, а Серега спросил мне вслед:

– Может, поедешь со мной вечером к родителям? Им всё равно надо сказать, а как я один?..

Вообще-то, он был не один, у него была сестра, которая и должна была каяться перед родителями, но я понимала, что от Любы толка мало. А родители бывшего мужа... как бы то ни было, я к ним хорошо относилась, мы с ними никогда ничего не делили. Они даже искренне расстроились, когда мы развелись. Правда, бывшая свекровь всегда нашёптывала сыну на ухо мысль о том, что пора заводить детей, а раз я не хочу, то и нечего со мной время терять. Я отлично об этом её научении знала, просто никогда не высказывала, не желая портить отношения. Или потому, что мне нечего было сказать в своё оправдание. Детей я, на самом деле, не хотела, а о причинах распространяться не желала. Считала, что достаточно того, что мы с Сергеем договорились на берегу, то есть, до официального заключения брака о том, что рождение детей в наши общие планы не входит, по крайней мере, в ближайшие годы. Но прошло всего пару лет, и эта тема возникла. Я понимала, что родители настраивают Сергея подобным образом, им хотелось понянчить внуков, но дочь никак не могла устроить личную жизнь, а сын, даже в браке, не торопился стать отцом. Наверное, они решили, что сын всё же перспективнее в этом плане, и начали обрабатывать его. А он, в свою очередь, меня. Я же не была намерена уступать, идти на поводу, и, в конце концов, наш брак распался. Но повода винить в этом родителей Сергея, я не видела. Каждый в жизни преследует собственные интересы, в этом нет ничего нового, мы с мужем избрали разные пути, так бывает. Очень надеюсь, что он встретит женщину, которая его по-настоящему полюбит, родит ему ребёнка, а то и парочку, и они проживут долгую, счастливую жизнь.

В общем, встретит, влюбится, женится, и мы, наконец, сможем разъехаться. А то жизнь под одной крышей с бывшим мужем даже мне кажется делом весьма странным.

Сергей всё ещё смотрел на меня с ожиданием. И я сдалась, кивнула, соглашаясь.

– Хорошо. Только не позже семи. Утром мне на смену, а потом я планирую уехать к тётке.

Сергей в какой-то момент не сдержался, возвёл глаза к небу.

– Не сомневаюсь. Опять к тётке. Знаешь, если бы ты не моталась к ней с такой регулярностью, возможно, мы бы и не развелись!

– Развелись бы, – не пошла я на поводу у его фантазий. – Просто потеряли бы ещё несколько лет, прежде чем дошли бы за свидетельством о разводе.

Сергей задержался у открытой двери своего автомобиля, прежде чем сесть на водительское место. Меня снова разглядывал. Недовольно.

– Красивая ты баба, Симка. Вот только злая. Не знаю уж, что за собака тебя когда-то покусала.

Сказал это и в машину свою сел. Всё-таки получилось у него задеть меня за живое. Я тоже в машину села, зло хлопнула дверью сильнее, чем нужно было. И в сердцах подумала, что сам он... собака, одним словом!

ГЛАВА 2

Работа у меня особо ничем не примечательная. Но мне, кстати, нравилась. Вот уже пятый год я работала менеджером по заселению в гостинице. Город наш был небольшой, но находился в центре туристической зоны, поэтому приезжающих, туристов, иностранцев и просто любопытствующих было довольно много. А вот крупных гостиниц в городе, хоть и областном центре, не так много. Всего две. В одной из них я и работала. Здание построено ещё в начале восьмидесятых годов, внешне выглядело устарело, но новые владельцы всеми силами старались гостиницу приукрасить и сделать привлекательной для заселения. Даже шумный ресторан на первом этаже открыли пару лет назад. Надо сказать, что среди жителей города он стал пользоваться популярностью.

В мои обязанности входила работа на ресепшене, заселение и выселение постояльцев, а также всяческая помощь гостям. В общем, ко мне обращались с разного рода проблемами, от мелких до загадочных и совершенно странных. Но за несколько лет работы я привыкла и, кажется, удивить меня уже сложно. Работой своей я была довольна, график меня устраивал, да и зарплата в принципе. На глаза владельцам я старалась лишний раз не попадаться, по карьерной лестнице высоко подниматься не планировала (да и какая в нашей старомодной гостинице может быть карьера?), поэтому старалась спокойно работать и не нажить себе лишних проблем. Правда, полгода назад руководство обратилось к нам, персоналу, с настоятельной просьбой начать изучать английский язык, даже надбавку к зарплате за это посулили, и вот я уже несколько месяцев хожу два раза в неделю на занятия и тренирую английское произношение. Чем черт не шутит, вдруг на самом деле в жизни пригодится?

На смену я должна была заступить в восемь утра завтрашнего дня и работать до вечера. Зато следующие два дня могла спокойно отдыхать и заниматься своими делами. Только вот сегодня своими делами полноценно заняться не удалось, потому что весь персонал настоятельно пригласили на ежеквартальное собрание. Занятие это было, как считал сам персонал, достаточно бесполезное, ничего нового мы от руководства на таких собраниях не слышали, но они, видимо, считали по-другому. Собирали всех в банкетном зале и принимались доносить до сотрудников разного рода информацию, которая и без них расходилась по коридорам быстрее и доступнее. К началу собрания сотрудники обычно уже были в курсе того, что услышат, и заметно скучали.

Вот и сегодня целый час прошёл в сидении на стуле и качании ног. Я нашла себе местечко у стены, подальше от глаз управляющего, разглядывала тяжёлые шторы на больших окнах банкетного зала, а думала о том, что приключилось с Любой. И почему же ей так не везёт в жизни. Себя я тоже особо везучей или счастливой назвать не могу, но я, по крайней мере, успеваю вовремя спохватиться, а вот моя бывшая золовка, по всей видимости, все свои глупости привыкла доводить до конца. До трагического финала, под звук органа. Но впервые всё было настолько серьёзно, не заканчивалось только разбитым сердцем и рухнувшими в очередной раз мечтами. На этот раз мечты Любины могут отодвинуться на неопределённое количество лет, потому что Любе грозит погрязнуть в долгах, кредитах и судебных разбирательствах. А я совсем не уверена, что она, со своей мечтательной, мягкой натурой, сможет всё это с достоинством выдержать.

Когда собрание, наконец, закончилось, я поднялась со своего места, и так бы в молчании из зала и вышла, если бы меня не толкнули под локоть. Я от неожиданности дёрнулась, повернула голову и увидела Галину, девушку из своей смены. Мы занимали с ней одну должность, и работали в паре уже больше года. Галя толкнула меня под локоть и спросила:

– Ты согласишься, если предложат?

Я непонимающе нахмурилась.

– Соглашусь на что?

Галя выразительно на меня уставилась.

– Ты совсем не слушала, да? О чем ты всё думаешь?

– Да так, – отмахнулась я, – семейные неурядицы. А что я прослушала?

– Предлагают после окончания языковых курсов стажировку в других отелях Москвы или Петербурга. Чтобы мы научились общаться с иностранцами. – Галя чуть слышно фыркнула. – А то их у нас мало. Одних китайцев – пол Китая. Что ж теперь, и китайский учить?

Я послушно улыбнулась в тон её шутливому возмущению. А Галя снова мне в лицо заглянула.

– Так что, ты поедешь, если предложат?

Я плечами пожала, вполне равнодушно.

– Пока не предложили, посмотрим.

– Говорят, если стажировку пройдёшь, повышение получишь.

Вот тут я посмеялась и недоверчиво проговорила:

– И куда нас с тобой повысят? Ресепшен на второй этаж перенесут?

Галя фыркнула от смеха.

– А вдруг? Да и, вообще, этот английский мне жутко надоел. Скорее бы уже всё закончилось.

Мы прошли через просторный холл к выходу. Холл в нашей гостинице был с мраморными колоннами и высоченными потолками. Вот только выглядело это всё несовременно, только в восьмидесятых годах прошлого века, наверняка, заставляло приезжающих гостей ахать от масштаба задумки. А спустя сорок лет владельцам приходилось идти на всяческие ухищрения, чтобы как-то осовременить помещение. Даже мраморные колонны уже давненько смотрелись нелепо, но на глобальный ремонт ни предыдущие владельцы, ни нынешние, ещё не заработали.

– Может, в кафе посидим? – предложила Галя. Она была девушкой незамужней, хотя, и при пятилетнем сыне. Но жила она с родителями, и те с завидной охотой возились с внуком, и Галя чувствовала себя свободной, могла позволить себе вечером выбраться куда-нибудь из дома с подругами. Но почему-то с подругами она встречалась чаще, чем ходила на свидания, что меня удивляло. Гале было тридцать лет, и по всем параметрам девушкой она была симпатичной и материально устроенной, в мужской помощи и поддержке особо не нуждалась. Нуждалась в любви и крепком плече, как мы все, но оно опять же никак не находилось.

– Не могу, – сказала я ей с сожалением. Если честно, на самом деле, не отказалась бы провести вечер вне дома, с бокалом вина, чтобы немного расслабиться после сегодняшних забот по строящимся многоэтажкам. – Обещала Сереге съездить с ним к его родителям.

Галя вытаращила на меня глаза и многозначительно протянула:

– Ого. Снова любовь-морковь? – Усмехнулась. – Я же тебе говорила, ваше совместное проживание ни к чему другому не приведёт.

– С ума не сходи, – отмахнулась я от неё. – Говорю же, семейные дела. – Я вздохнула. – Выходит так, что мы всё ещё одна семья. Наверное, ты права, и так будет до тех пор, пока мы, наконец, не разведемся. И всё это очень-очень странно. Но отказать я не могу, ситуация... щепетильная.

– Ясно. Ну что ж, тогда, может, на следующей неделе?

– Конечно, – легко согласилась я, и мы с Галей расстались на стоянке перед гостиницей.

Перед визитом к бывшим свекрам, я решила заехать в магазин. Купить чего-нибудь к чаю. Мария Николаевна, моя свекровь, обожала чаёвничать. Её этот бесконечный процесс успокаивал. А сегодня ей необходимо будет успокоиться чем-то серьёзным, поэтому я купила целый торт. А свёкру маленькую бутылочку коньяка. Чувствовала, что пригодится. Возможно, и с женой ему придётся поделиться.

Время близилось к вечеру, людей в гипермаркете оказалось предостаточно, я даже в очереди на кассу постояла. Стояла и переписывалась с бывшим мужем, который интересовался, во сколько мы встретимся у дома его родителей. Судя по всему, появляться на их пороге в одиночестве Серега побаивался. Ох уж эти мужчины, смелая половина человечества. Я пообещала быть через полчаса, расплатилась, наконец, за покупки, и направилась к своей машине. Автомобилей на стоянке было предостаточно, если честно, я даже поплутала немного в поиске своей машины. А Серега всё строчил и строчил мне какие-то сообщения, я их даже не читала. Ему было скучно сидеть в машине одному, и он высказывал мне своё беспокойство и негодование по поводу сложившейся ситуации. Мне читать его сочинения было некогда, и я лишь вздыхала после очередного короткого сигнала, но на свой телефон, что лежал на соседнем сидении, даже не смотрела больше. Сестре бы писал, честное слово. Какой толк объяснять свою позицию мне? Я и без него знаю, что всё плохо.

Выезжая со стоянки гипермаркета, я встала в небольшую очередь, в ожидании зеленого света светофора, нервно барабанила пальцами по рулю и посматривала на дорогу. Мимо проносились машины, одна за другой, я почему-то смотрела на них, а совсем не на те автомобили, что выстроились на выезд передо мной. Если бы я раньше заметила «Ауди», что стояла на две машины впереди меня, наверное, всё могло сложиться по-другому. По крайней мере, я успела бы из своей машины выскочить, добежать до «Ауди» и что-нибудь сделать. А я всё проморгалась. И знакомый автомобиль заметила только тогда, когда загорелся зеленый свет, мы все потихоньку тронулись с места, и ярко-красная «Ауди» стала вырывать на основную дорогу. Не узнать я её не могла. Прохоров безумно гордился своей машиной, всячески её холил, лелеял, а несколько месяцев назад ещё и примечательную аэрографию на дверях автомобиля сделал, спутать было невозможно. А я как эту машинку увидела, так и замерла, на мгновение. После чего рот открыла, а уже после меня посетила мысль о том, что мне нужно сделать всё возможное, чтобы этого негодяя и афериста из вида не упустить. Глупость, конечно, но я решительно устремилась в погоню за прохоровской «Ауди». Как только выехала на дорогу, тут же прибавила газу, торопясь догнать ускользящий от меня автомобиль. Мне даже негодующе посигналили сзади, но я совершила ловкий маневр, обогнала ленивую «девятку» и снова прибавила газу. Я не сомневалась, что гонюсь за Денисом. А как только поравнялась с ним, возмущённо посигналила. Потом ещё раз. Я отлично видела его, за рулём был именно Прохоров. Его сытое лицо, нахальная ухмылка. В машине он явно был не один, без конца поворачивал голову, разговаривал с кем-то, и на мои сигналы не обращал никакого внимания. А я всеми силами старалась от него не отстать.

Когда мы встали на очередном перекрёстке, зажёгся красный свет, и движение с нашей стороны остановилось, я, совершенно не сомневаясь, дёрнула ручку двери, выскочила на дорогу и помчалась к «Ауди». Мчаться было недалеко, я остановилась как раз позади автомобиля Дениса, а вот он меня заметил только в тот момент, когда я оказалась прямо перед ним. Я видела, как вытягивается его лицо, как исчезает ухмылка с его губ, на какое-то мгновение, пусть и короткое, он испугался. А я, воспользовавшись этим, сначала дёрнула ручку на его двери, но та оказалась заперта. Тогда я стукнула кулаком по капоту его машины, пнула колесо.

– Выходи оттуда! – потребовала я. Уже успела заметить, что на пассажирском сидении рядом с Денисом сидит незнакомая мне женщина, миловидная шатенка лет сорока. По всей видимости, очередная жертва. Она от моего столь неожиданного и бурного появления тоже оказалась в удивлении и шоке. А я свирепо смотрела на Дениса, снова подёрнула ручку на его двери. – Выходи, сволочь! Я тебя всё равно оттуда достану!

Он немного, совсем чуточку, приоткрыл своё окно. Видимо, для того, чтобы я могла его слышать.

– Сама уходи, сумасшедшая, – крикнул он мне. – Что тебе надо?

– Что мне надо? – воскликнула я. – Ты, аферюга, ты Любу подставил! На какие деньги ты её кинул?! Денис, вылазь оттуда! Я тебе клянусь, я с места не сдвинусь!..

– Ни на какие деньги я её не кидал! У нас с ней ничего не получилось, мы расстались! Я просто ушёл!

– Да иди ты куда хочешь! Чтоб ты себе ноги по колени стёр в своём пешем путешествии! Где деньги от продажи квартиры и за кредит? Сволочь ты! Мы на тебя в полицию заявим!

– Заявляйте куда хотите! – выкрикнул он мне в щёлку приоткрытого окна. – Ничего противозаконного я не сделал! Она сама всё подписала! Докажите, что не так!

– Ах, ты!.. – вырвалось у меня в бессильной злости. Я снова пнула здоровенное колесо, стукнула по лобовому стеклу машины кулаком, но больно стало мне, а не автомобилю или подлецу Денису. От злости хотелось кричать. А ещё на меня все смотрели, из соседних машин, люди на остановке через дорогу, и со стороны я, наверняка, казалась сумасшедшей фурией. И вот сигнал светофора сменился, Прохоров тут же нажал на газ, а я в расстройстве осталась не удел, после чего заторопилась к своей машине. Но, конечно же, пока я вернулась за руль и завела двигатель, «Ауди» уже и след простыл. От происходящей несправедливости хотелось рвать и метать. Я сделала круг по кольцу, высматривая знакомую машину, но, конечно же, Прохоров поторопился исчезнуть. Где вот теперь его искать? Я чувствовала себя виноватой. За то, что не схватила, не скрутила, упустила...

Понятно, что мне ни сил бы не хватило, ни возможности у меня, как таковой, не было, но вину я всё равно чувствовала.

– Куда ты пропала? – Серега вышел из машины мне навстречу и красноречиво развел руками. – Я тебе пишу, пишу!..

– Ты писарь, что ли? – не удержалась я от язвительной реплики. – Звонить не пробовал? Бывший муж недовольно сдвинул брови.

– Ты опять не в духе?

– К твоему сведению, я преступника ловила! Правда, не поймала...

– Какого ещё преступника? – офигел он.

– Нашего семейного злоумышленника, – огрызнулась я, и быстренько пересказала Сереге встречу с Прохоровым на дороге. Тот выслушал, задумался, открыл рот и постоял так пару секунд. Затем спросил:

– Ты кидалась на его машину? Сима, ты с ума сошла? А если бы он тебя сбил?

– Если бы он меня сбил, – гневно и поучительно проговорила я, – тогда бы точно сел. А так, взял и уехал!

Серега полез в карман за сигаретами, нервно прикурил, а я стояла перед ним, уперев руки в бока и стгорая от желания какой-то бурной деятельности, которой не предвиделось. Впереди был тяжёлый разговор со свекрами и чай с тортом.

– Насколько понимаю, – проговорила я, – в банке вас ничем не порадовали.

– Не то, чтобы не порадовали, а хоть ложись и помирай. Денег за продажу квартиры на счету не оказалось, и трехмиллионный кредит снят под чистую. Поживился Дениска на славу. Радости, наверное, полные штаны. – Серега сплюнул с досады. – Никогда он мне не нравился.

– Да? А что ж ты молчал? – поинтересовалась я, не сдержав сарказма. – Улыбался ему, на рыбалку ездил, машину с ним выбирал.

Бывший муж взглянул на меня осуждающе.

– Во-первых, ты тоже ему в лицо не плевала, насколько помню. Улыбалась. К тому же, я своей сестре не враг.

– Я тоже твоей сестре не враг, поэтому и улыбалась. А вот ты... мог и поинтересоваться личностью её жениха.

Серега руками в сердцах развёл.

– Никогда не интересовался, а этим конкретно заинтересовался? С чего бы? Ничего преступного он не сделал... на тот момент. Разве что замуж Любку позвал.

Я вздохнула.

– Вот-вот... И сразу стал членом семьи.

– Сима, хватит на большое давить. Можно подумать, ты умнее нас всех оказалась! Знал бы, как говорится, где соломки постелить, задницей в лужу бы не сел. Ладно, пошли к родителям.

Я кивнула, потом миролюбиво добавила:

– Я торт купила. И коньяк. – Пока Серега доставал мои покупки с заднего сидения автомобиля, я схватила его за локоть и предупредила: – Только говорить ты будешь... начнёшь, по крайней мере.

Серега промолчал.

Его родители встретили нас удивлёнными, но благосклонными взглядами. Наверняка решили, что мы помирились и пришли об этом сообщить, с тортом. У меня возникла мысль с порога объяснить им, что их предположения не верны, но Серега на меня предостерегающе глянул, и я промолчала.

– Молодцы, что пришли, – засуетилась Мария Николаевна, водружая чайник на плиту. – Правда, без предупреждения, у меня и не готово ничего, но все равно молодцы.

– Да нам ничего не нужно, мама, – легко отмахнулся от её заботы любящий сын. Со мной переглянулся. – Мы просто так, навестить вас.

Я, улучив момент, продемонстрировала Сереге кулак.

– Сейчас будем чай пить, – улыбнулась Мария Николаевна, расставляя чашки на столе. И позвала: – Боря, иди за стол. Сима торт принесла!

Мой бывший свекор появился на кухне, а я достала из сумки коньяк и осторожно поставила на стол. Неловко пояснила:

– Вот, я ещё купила...

Родители Сереги переглянулись между собой, с явным непониманием, затем обратили свои взоры на нас.

– Таак, – протянул Борис Викторович, – что-то случилось? Вы нам что-то сообщить собираетесь?

Мария Николаевна приложила руку к груди.

– Вы помирились?

Я открыла рот, чтобы протестовать, а Серега тут же толкнул меня локтем, и я промолчала. Мои губы сами собой недовольно поджалась. Правда, он проговорил:

– Дело не в этом, мама.

Но его, кажется, не услышали. Родители его присели с нами за стол, Борис Викторович выглядел до ужаса серьёзным, с таким лицом он сидел, как помню, в тот вечер, когда мы с Серегой сообщили им о принятом решении пожениться пять лет назад. Вот и сейчас то же выражение на лице, довольным он ни тогда, ни сейчас не выглядел. Скорее, смирившимся. А Мария Николаевна затараторила:

– Ну, что ж, я этого ждала. Думала, что вы поторопились. Пожениться поторопились в своё время, развестись тоже поторопились. Но я же вам всегда говорила: если сделаете над собой усилие, то всё у вас получится. Ребёночка родите.

Я не удержалась и вздохнула. На меня все посмотрели, и стало неловко.

– Мама, мы немного о другом хотели, – снова начал Серега, а Мария Николаевна на сына даже не взглянула, вместо этого ко мне повернулась и задала вопрос:

– Как твоя тётя с племянником?

Разговор принимал не желанный мне поворот. Собственно, эта тема и оказалась в нашей с Серегой семье камнем преткновения. Ни он, ни его родители не понимали моего стремле-

ния помогать родственникам, причём, помогать со всем своим душевным рвением. Никому из них не нравились мои поездки, отлучки, бесконечные телефонные разговоры, хотя, изначально я поставила всё так, что эта помощь была лишь моей проблемой, моей заботой, и ничьей поддержки, даже мужа, я не просила. Никто из новых родственников задействован в помощи не был. Но их всё равно всё не устраивало. Мария Николаевна порой принималась проявлять участие, задавать мне какие-то вопросы, спрашивала, всё ли у моей тёти с племянником нормально, как они поживают, но я отлично знала, что интересуется она с одной-единственной целью: выяснить, когда всё это, наконец, закончится. Когда я уже займусь собственной семьёй, сосредоточу своё внимание на муже, а не на дальних, как она считала, родственниках. Я её надежд не оправдала, и мы с Серегой, в конечном счете, развелись. Думаю, сейчас, под старательной, понимающей улыбкой бывшей свекрови, всё же скрывается разочарование. Мол, опять привел, опять ничего хорошего от этой особы (то бишь, от меня) не жди.

– Всё хорошо, спасибо, – ответила я на её вопрос.

– Ездила к ним?

– На выходные собираюсь, – порадовала я Серегиных родителей.

– Это, конечно, замечательно, что ты так им помогаешь, – покивала Мария Николаевна, удерживая на губах улыбку. – Столько лет стараешься...

Всю эту песню я знала наизусть, и знала, чем она обычно заканчивается. Правда, на момент её последнего исполнения, мы с Серегой ещё были в браке, и основания учить меня жить, хоть какие-то, у свекрови ещё были, согласитесь. Но сейчас она, видимо, решила, что может снова высказать мне пару претензий. Раз уж я пришла с тортом мириться. Поэтому я решила всё это прекратить. Посмотрела на Серегу, тот с аппетитом уписывал торт и, кажется, начинать разговор не собирался. Пришлось мне. Я посмотрела на бывшую свекровь, потом на свёкра, сделала вдох и сказала:

– У нас проблема.

И пока Серега пинал меня под столом, таким образом прося, чтобы я была поделикатнее, я выдала его родителям всю историю. Каких-то других слов не подобрала, сказала всё, как есть. Да и как тут смягчить? Завуалировать случившуюся катастрофу никак не получится, по крайней мере, у меня.

Коньяк пригодился, Борис Викторович тут же схватился за рюмку и бутылку, потом и жене пятьдесят капель в рюмашку накапал. Мария Николаевна выпила их залпом, как корвалол и принялась хватать ртом воздух. И только повторяла:

– Что же?.. Как же?.. Боря, что же делать?

– Надо идти в полицию, – деловито заявил Серега. – Заявление писать. Пусть ищут его. Это же мошенничество. Ведь так, Сим?

Я аккуратно пожала плечами. Мошенничество-то оно мошенничество. Но, думаю, Прохоров лучше нас всех вместе взятых знает, как действовать. Прав он, со всех сторон подстраховался. Люба сама все бумаги подписала, доверившись любимому. Но разрушать надежды бывшего мужа и его родителей на справедливость так сразу я не стала.

– Прежде всего, нужно отменять свадьбу, – сказала я им. – А то Люба без конца плачет, толка от неё мало.

– От неё, вообще, толка мало, – угрюмо заметил любящий брат. – В загсе с нас скоро предоплату будут брать и ставки делать, женится на ней кто или нет.

– Сережа, ты что говоришь-то! – ахнула Мария Николаевна. – Нельзя так!

Тот будто и не обратил на упреки внимания. Сказал родителям:

– У нас знакомый в полиции работает, вот к нему мы сейчас и ходим. Пока Денис в городе, нужно действовать по горячим следам. А то укатит в неведомые дали, где его искать?

Логика в его словах была, и от Серегиных родителей, мы отправились к Снегирёвым. С Юлькой я познакомилась давно, ещё в начале нашего с Серегой брака. Мы с ней ходили

в один спортзал, как-то разговорились в раздевалке, а затем и сдружились. Со временем и мужей познакомили, время все вместе проводили, выезжая на природу или посещая кино-театр, затем перешли к домашним посиделкам. Но затем у Снегирёвых родился сынишка, да и Лёня получил долгожданное повышение, пропал на своей важной, секретной работе, и времени на совместный досуг стало куда меньше. Но с Юлькой мы частенько созванивались, порой встречались в кафе, и болтали обо всём на свете. И я была уверена, что Снегирёвы не откажутся нам помочь в трудной ситуации. Вот к ним мы с бывшим мужем и отправились. В основном, к Лёне, с его связями и доступом к оперативной информации. От Юльки я ждала лишь горестного аханья и поддержки. Хотя, меня в данной ситуации поддерживать было ни к чему, я только злилась, а вот Люба, по её безудержным рыданиям в трубку, была чуть жива от горя и разочарования. Что и понятно. В этот раз её не только бросили, но ещё и ограбили. Я бы сказала: ободрали, как липку.

Лёня, кстати, оказался дома. Хотя, Юлька мне бесконечно жаловалась, что домой муж возвращается частенько не раньше одиннадцати. Но нам, судя по всему, повезло. Снегирёвы нас выслушали, Юлька, прекрасно зная Любу, с которой давно через меня прятельствовала, хоть и не дружила близко, схватила за голову, а муж её от озвученной ему истории, присвистнул. И добавил:

– Весело.

– Да уж, – буркнул Серега, – обхохочешься.

– Как же так? – задала Юлька совершенно глупый вопрос. И на меня посмотрела. – Сима, как же так? Он же столько месяцев, со всеми нами рядом... Да мы месяц назад все вместе на даче отдыхали! Шашлыки жарили, свадьбу их обсуждали. А теперь что же?

– А теперь квартира тю-тю, здравствуйте миллионные долги, – ответила я на её вопрос со всем своим природным оптимизмом.

– Это что же, – Юлька повернулась к мужчинам, – вообще никому верить нельзя? Лёня, как же так?

– А чему ты удивляешься? – тоном с профессиональными нотками, проговорил Леонид. – Так люди деньги и зарабатывают. Пока живут на свете, дураки, Юлька... Помнишь такую песенку?

– Да отстань ты со своей песенкой, – разозлилась его жена. – Делать-то что?

– А что тут сделаешь? – удивился Снегирёв. Он вопросу жены удивился, а я, если честно, его реакции.

– Лёня, ты же в милиции работаешь, – заметила я.

– В полиции, – на автомате поправил он меня, а я встала в позу.

– Тем более. Сделай что-нибудь. Он же в городе ещё, я его своими глазами сегодня видела, своими руками до него не дотянулась. Он спрятался от меня в машине, как трус последний. Значит, арестуй его!

Снегирёв широко ухмыльнулся, наблюдая за моим негодованием.

– Серьёзно? А за что я его арестую? Да ещё и сегодня? Правильно он тебе всё сказал: ничего незаконного он не совершил. Люба сама все подписала. От большого своего ума.

– Причём здесь ум? – решила заступиться Юля. – Она его любила! Любит... А он вот так!..

Лёня руки на столе сложил, навалился на него, что-то обдумывал. Потом сказал:

– Всё, что я могу, это запросить информацию об этом Денисе Прохорове. Посмотрим, что узнаем.

«Об этом Денисе Прохорове», повторила я про себя. Сказал так, будто не пил с ним из одной рюмки и не хлопал дружески по плечу совсем недавно. Подумала, а до Леонида попыталась донести:

– Пока ты эту информацию запросишь, его и след простынет, Лёня!

– Ты думаешь, я этого не понимаю? – фыркнул он. – Но ничего другого я сделать не могу. Я не царь и не прокурор области, чтобы пальцами щёлкнуть, и человека в КПЗ определили. Всё придётся делать по закону. Вот будет информация, тогда и подумаем. Где искать и за что сажать.

– А сейчас что делать?

– А сейчас берите свою несчастную и дуйте в отделение, заявление писать. Пусть, как есть, так и пишет. Со всеми скорбными и неприличными подробностями.

– Насколько неприличными?

– Максимально. Чтоб следователь читал и плакал.

– Может, она вслух расскажет? – не удержалась я. – Куда печальнее получится.

Сергея глянул на меня с укором, я тут же виновато опустила глаза. А когда мы от Снегирёвых вышли, сказала бывшему мужу:

– Прости. Просто вся эта ситуация выводит меня из себя.

– Знаю. Ну что, едем за Любой и в ментовку?

Я кивнула. Нужно было ковать железо пока горячо. Так что, ночь обещала быть долгой и насыщенной. И, наверное, было бы ещё хуже, если бы Лёня не позвонил знакомым. Благодаря его звонку, нас хотя бы приняли без всякого ожидания в коридоре и других проволочек, несмотря на позднее время нашего приезда. Правда, наблюдать за тем, как Люба даёт показания против своего любимого Дениски, было ещё тем испытанием. Золовка без конца сбивалась на всхлипывания и печальные, отстранённые повествования об их счастливых временах. Говорила так, будто они с Прохоровым прожили, как минимум лет десять, столько всего Любе вспоминалось. Я вот и трети от её количества, да и качества, воспоминаний, не могла припомнить из совместной жизни с её братом. То ли я чёрствая, то ли попросту плохая жена.

Дома мы с Сергеей оказались уже после полуночи. Я, если честно, валилась с ног от усталости. День выдался запоминающимся, без сомнения. Мы с бывшим мужем вошли в общую квартиру, потолкались в общем коридоре, разуваясь, после чего разошлись в разные стороны. Сергей на кухню, а я поспешила в ванную, принять душ.

Конечно, наша с ним продолжающаяся совместная жизнь кому угодно показалась бы странной. Я раньше и представить подобного не могла, тем более, что сама попаду в такую ситуацию. Я бы предпочла после развода, как все нормальные люди, разъехаться по разным квартирам, а позже, если позволят обстоятельства, попытаться сохранить дружеские отношения. Если бы мы оба этого захотели. В принципе, мы с Сергеей развелись без скандалов, без лишней неприязни друг к другу и без каких-либо колоссальных обид. По крайней мере, я понимала, что мне на бывшего мужа обижаться не за что. А уж что у него в голове крутилось на мой счёт, знать я не могу. Наверное, он всё же за что-то злится на меня. Возможно, за то, что я не предприняла никакой должной попытки сохранить нашу семью, наши отношения, при первой же возможности отступила. Но я, как ни старалась, не видела ни единого шанса на сохранение нормальных отношений. К тому же, прекрасно знала, что ещё за несколько месяцев до официального развода, как только мы окончательно решили расстаться, у моего мужа тут же появилась женщина. Или девушка. Любимая или нет, не знаю, но явно для души и поднятия самооценки. Мы с ним разъехались по разным комнатам, и стали жить, как соседи. Сергей временами не приходил ночевать, а я ему не звонила и не интересовалась, где он задерживается и когда появится. Время от времени такое спонтанное желание поинтересоваться, у меня возникало, но это скорее сказывалась привычка, и я себя останавливала. А затем принималась прислушиваться к себе, к своим ощущениям, но никакого недовольства, а уж тем более ревности, не чувствовала. Что в который раз подтверждало, что поступаю я правильно. Для чего держать рядом с собой человека, если ничего не можешь ему дать?

– Наверное, мне предназначено прожить эту жизнь в одиночестве, – как-то сказала я Юльке, той самой Снегиревой, за дружеской беседой под бокал вина. Помню, она на меня

тогда так посмотрела, удивлённо, а затем рассмеялась. Потянулась ко мне и ткнула пальцем мне в лоб. Кстати, весьма ощутимо. И сказала:

– Дурында. Тебе предназначено влюбиться. Вот скажи мне, ты когда-нибудь по-настоящему влюблялась, Сима?

Вопрос был трудным. И отвечать мне на него, если честно, не хотелось, поэтому я лишь плечами пожала. И переадресовала этот вопрос подруге.

– А ты? Ты Лёню любишь?

Юлька в растерянности моргнула и тут же, без всякого сомнения, ответила:

– Конечно, люблю. Я же ему ребёнка родила.

Я покивала.

– Ну да. – Отчего-то у меня вырвался вздох, и я негромко проговорила: – Сейчас ты тоже скажешь, что мне надо было родить Сереге ребёнка, и всё было бы по-другому.

– Не скажу, – порадовала меня Юлька. И поинтересовалась: – А кто так говорит?

– Родители его. Ну, и некоторые знакомые тоже. Его друзья. В глаза, конечно, не скажут, но я-то знаю.

– А я тебе этого не скажу. Потому что смысла в этом никакого нет. Если ты не хочешь.

– Дело не в этом...

– Да в чём угодно. Значит, не твоё. И никто в этом не виноват. А про «влюбиться» я серьёзно. Вот посмотришь, встретится тебе человек... которого ты не сможешь затюкать, и всё будет, как надо.

Я непонимающе моргнула.

– Я что, Серегу тюкала? – Решила обидеться. – Никого я никогда не тюкала, привычки такой не имею даже.

Юлька примирительно мне улыбнулась.

– Ладно, не тюкала. А пыталась рассказать ему, чего тебе не хватает, а он отчаянно от этого отмахивался. Вот и результат.

Вот и результат. Живём в одной квартире, как два квартиранта. И непонятно, когда это закончится.

Когда я вышла из ванной, закутанная в махровый халат, бывший муж, в одних домашних шортах, сидел на кухне с горячим чаем и тарелкой бутербродов на столе, и смотрел телевизор. Вот только ногой под столом нервно тряс, что означало беспокойство и недовольство. Увидел меня и спросил:

– Чай будешь?

Я кивнула. Сделала себе чай и присела за стол. Подумала тоже потрясти ногой, но это выглядело бы совсем глупо. Сидим друг напротив друга и ногами трясём.

Серега жевал бутерброд, запивал горячим чаем и не отрывал взгляда от экрана телевизора. В какой-то момент кивнул на него, а мне сказал:

– Интересно. «Человек и закон» идёт.

Я нехотя перевела глаза на экран. Ненавидела все передачи про криминал без исключения.

– Тебе своих неприятностей мало? – поинтересовалась я негромко.

Серега не ответил, только за ухом почесал. Я же пила чай маленькими глотками и смотрела на экран.

– Судьба многих украшений из уникальных драгоценных камней семьи Романовых сложилась незавидно, – вещал с экрана серьёзный мужской голос. Замелькали картинки, изображения и фотоснимки ювелирных изделий. – Если не сказать трагически. Некоторым образцам русского ювелирного искусства повезло: они попали в частные руки практически невредимыми, другие нашли себе новых хозяек голубых кровей, например, английскую королеву Елизавету Вторую, а на одну из русских монарших тиар может взглянуть любой желаю-

щий на выставке Алмазного фонда. Правда, всё, что мы сейчас можем лицезреть, это лишь малая часть утраченного драгоценного наследия Романовых. Многие украшения императорской семьи были разобраны и распроданы советским правительством на аукционах и теперь бесследно утрачены. Отследить, а уж тем более вернуть драгоценности, возможным не представляется. Но время от времени то или иное сокровище всплывает в криминальной хронике. Такие вещи обычно проходят мимо внимания обывателя, но эксперты отмечают каждый случай, пытаясь сложить воедино масштаб пропавших и незаконно осевших в частных коллекциях, драгоценностей.

– Может, спать пойдём? – предложила я бывшему мужу.

Сергея угукнул и продолжил смотреть на экран. А я недовольно поджала губы, тоже осталась сидеть.

– В конце нулевых и начале прошлого десятилетия по стране прокатилась целая серия ограблений. Частные коллекционеры один за другим признавались в исчезновении тех или иных экспонатов своих коллекций. Причем, обезопасить себя им не помогли никакие меры предосторожности. Грабители обходили сигнализации, проходили незамеченными мимо охраны, не особо утруждаясь, взрывали или выпиливали сейфы, унося награбленное. Действовали они дерзко и профессионально. Следственные органы довольно скоро пришли к выводу, что все ограбления по стране дело рук одних и тех же людей, преступной группировки. По самым малым подсчётам, украденное достигало немислимых сумм. Конкретных цифр не могли назвать даже эксперты, а пострадавшие коллекционеры довольно скоро замолкали, боясь озвучить потерянное благосостояние, а уж тем более предоставить фотографии украденного, не желая отвечать на вопросы о способе приобретения украденных у них украшений. Преступники всё верно рассчитали. Следственные органы до сих пор уверены, что знают лишь о верхушке затронутого ограблениями айсберга. Владельцы коллекций боятся признаваться в собственных потерях, потому что, зачастую, не имеют никаких удостоверяющих документов на приобретение того или иного экспоната своей коллекции. Они сами являются незаконными владельцами того, что должно принадлежать государству и людям. Не будем открыто называть этих людей преступниками, но всё же, они не зря боятся осуждения и вопросов правоохранительных органов, согласитесь.

Я со стуком поставила чашку на стол. На Сергея посмотрела:

– Ты же никогда не любил эту передачу, – сказала ему я с намёком.

– Причём тут передача? – удивился он. – История интересная.

– Ты что, – еле слышно фыркнула я, – Романов?

Сергея пропустил мою насмешку мимо ушей.

– Ограбления прекратились также неожиданно, как и начались в своё время. После детального анализа происходящего, следственный комитет пришёл к выводу, что действовала преступная группировка Соболевского. Сам Александр Соболевский, родом из Санкт-Петербурга, никогда не слыл банальным вором или преступником. – На экране возникла фотография мужчины средних лет с интересным, интеллигентным лицом. – Соболевский имеет два высших технических образования, всю свою жизнь прожил в Питере, имел свой достаточно прибыльный бизнес, но в какой-то момент желание разбогатеть в одночасье, за чужой счёт, заставило его собрать вокруг себя людей, готовых ради наживы на всё, даже на убийство. Группировка Соболевского, через пару лет после возникновения, насчитывала уже около десяти человек. При этом, среди них не было банальных преступников. Как считает следственный комитет, каждый член данной организации нёс ответственность за свою часть работы, лишних людей в их компании не было. В организацию входил даже профессор искусствоведческих наук, преподававший в одном из ВУЗов Петербурга. Все ограбления были продуманы и просчитаны заранее, а затем поставлены на поток. Правоохранительные органы в течение пары месяцев не успевали опомниться от сообщений из разных городов России об очередном преступ-

ном эпизоде. Затем наступало затишье на полгода, и всё возобновлялось. Следствие полагает, что во время пауз, преступники пытались сбыть награбленное, предположительно за границу, европейским коллекционерам. Удалось ли им это, и в какой части, доподлинно неизвестно.

Сергея ухмыльнулся, а я скрипнула зубами. Вот для чего мы это ночью смотрим, скажите мне на милость?

– Причастность Соболевского и его группировки к ограблениям, была доказана следствием после убийства ювелира Рудаковского в Ростове-на-Дону. Филипп Рудаковский, являвшийся владельцем сети антикварных и ювелирных салонов по всей стране, стал жертвой очередного ограбления. Как признался один из соратников Соболевского на следствии, Рудаковский с супругой совершенно неожиданно вернулись домой, так как вылет их самолёта задержали, и застали преступников в момент попытки вскрыть сейф, находящийся в подвале дома супругов. И если жену Филиппа Рудаковского грабители пощадили, связав её и заперев в прачечной без окон и дверей, то самому ювелиру повезло куда меньше. Один из грабителей, как называет сам Соболевский, это был Алексей Буров, вышел из себя, и пытал ювелира, требуя открыть сейф или выдать код. Рудаковский был замучен до смерти в подвале собственного дома уже после того, как согласился отдать грабителям драгоценности, что хранил дома. Как утверждает супруга убитого, в сейфе хранились также драгоценные камни для работы над новыми изделиями, а не только приобретенные некогда Рудаковским царские драгоценности. Сумма награбленного определяется цифрой с шестью нулями. Только вдумайтесь в это! И это лишь одно ограбление!

– Прямо, как в кино, да, Сим?

Я согласно кивнула. Тоже смотрела на экран, заслушавшись.

– После убийства ювелира в Ростове-на-Дону, следствие достаточно быстро вышло на след группировки Соболевского. Улик против них было собрано более чем достаточно, и ничего удивительного, что большинство членов данной преступной организации поспешило исчезнуть из Санкт-Петербурга, и, вообще, с глаз родных, близких и знакомых. Но аресты всё равно производились. А вот самого Александра Соболевского удалось арестовать лишь после того, как на территории частного дома в селе Патрунино Ленинградской области, было найдено тело зверски убитого Алексея Бурова, по кличке Буря. В группировке он отвечал за техническое оснащение, а также, при необходимости, вооружение членов банды. И являлся одним из самых ярых участников каждого совершенного ими преступления, одним из первых став соратником Соболевского. Поговаривали, что познакомились они за несколько лет до возникновения группировки и являлись изначально едва ли не друзьями. Но руководство группировкой негласно досталось Соболевскому, и, возможно, это обстоятельство не давало Алексею Бурову покоя, что и привело к его смерти в процессе ссоры или попытке поделить награбленное. А делить к тому моменту, было что. Сам Александр Соболевский так и не признал своей вины за убийство подельника, а доказать его вину следствию так и не удалось. Соболевский так и остался подозреваемым в казни Алексея Бурова. А того именно казнили, также, как и ювелира Рудаковского за несколько месяцев до этого. Бурова истязали несколько часов, прежде чем он умер от потери крови, но и это обстоятельство его убийцу не остановило. Труп Бурова пытались сжечь в его же машине, припаркованной во дворе. А награбленное, драгоценности и алмазы, так и не были найдены. Когда правоохранительные органы появились в доме родственников Бурова, в селе Патрунино, там царил полный хаос. Также следствие установило исчезновение молодой жены Алексея Бурова. Её кровь также была найдена на месте убийства мужа, но тело молодой женщины, так и не нашли. Следователи предположили, что убийца забрал девушку с собой, в надежде получить ещё какую-нибудь информацию о том, где Буров припрятал драгоценности. Но вряд ли можно позавидовать судьбе жены убитого в собственном доме грабителя.

Я сидела, закинув ногу на ногу, покачивая ногой и глядя на экран. На нём то и дело мелькали различные фотографии из уголовного дела. Вот Александр Соболевский в окружении соратников на каком-то праздновании, вот Буров, улыбающийся и довольный, у мангала, вот опять какая-то развеселая дата, и все люди на фотографиях выглядят вполне нормальными. Рядом с женами, некоторые даже с детьми, в обнимку, кажутся счастливыми и влюблёнными. А голос за кадром будто вещает о чём-то постороннем. Вот опять Соболевский, в фирменном костюме и в очках в тонкой оправе на аристократическом носу. А вот Буров в обнимку с молодой женой. Лица её не рассмотреть, как и фигуры, лишь светлые волосы и белоснежная, норковая шуба в пол. Молодые и счастливые на отдыхе в Куршавеле.

– Во время следствия и суда Александр Соболевский хранил молчание, ни за что не признав вины, не помог следствию ни в чем, даже для того, чтобы облегчить себе приговор. Обвинить его в зверском убийстве Алексея Бурова также не удалось, неоспоримых доказательств его присутствия в доме в ту ночь у следствия не оказалось. По поводу судьбы жены Бурова также ничего не известно, но все сходятся во мнении, что молодой, двадцатилетней на тот момент женщины, тоже нет в живых. Насколько известно, близких родственников у девушки не было, и её поисками никто не занимался. О ней, вообще, мало, что известно, Алексей Буров, будто предчувствуя свою трагическую кончину, словно прятал молодую супругу ото всех, но и её привел к страшному концу. Вот такая трагическая история группировки Соболевского. Громкие ограбления сменились печальной славой, не принеся никому из членов этой организации богатства и сытой старости. Лишь только пролитая кровь и загубленные жизни невинных людей. А Александр Соболевский и его подельники, оставшиеся в живых, получили различные сроки, от восьми до двенадцати лет строгого режима, которые отбывают в разных исправительных учреждениях нашей большой страны. Жаль только, что и без того потерянные для граждан украшения царской семьи, теперь окончательно утеряны, даже для частных коллекционеров, которые, хотя бы, дорожили своими, пусть и нелегальными, приобретениями. Теперь же мы вряд ли когда-нибудь о них услышим.

Сюжет, наконец, закончился, я моргнула, а Серега выдохнул.

– Круто.

Я на бывшего мужа посмотрела.

– Что тебе круто? Насмотрелся страшилок на ночь глядя. Допивай свой чай, и пошли спать. Утром на работу вставать.

Я отобрала у него пульт от телевизора, выключила его, и из кухни вышла. Как я завтра на работу встану?

ГЛАВА 3

Рабочий день прошёл без особых эксцессов. Только я была вся в невеселых раздумьях. Как-то маетно было на душе, и у меня никак не получалось сосредоточиться. Постояльцам дежурно улыбалась, на автомате выполняла требуемое, даже с начальством переговорила вполне продуктивно, но в мыслях без конца возвращалась к своим проблемам. Даже вечерний урок английского как-то не прижился в моей памяти, я целый час просидела, подперев рукой подбородок и глядя в окно. По всей видимости, моё отстранённое состояние было заметно со стороны, потому что преподаватель английского, милый молодой человек с красивой улыбкой, по окончании занятия, обратился ко мне на английском языке:

– Серафима, вам было скучно?

Мне понадобилось несколько секунд, чтобы в начале осознать, что обращаются именно ко мне, затем вспомнить о том, что преподаватель всё-таки милый, и я ему как бы симпатизирую, а следом старательно перевести в своём сознании обращённую ко мне фразу. Наверное, я подвисла на несколько секунд дольше, чем нужно было, даже рот приоткрыла, соображая, после чего расплылась в сладкой улыбке. И ответила, правда, на родном, русском языке:

– Нет, что вы, Максим Викторович. Я внимательно вас слушала.

Максим Викторович ответил улыбкой на мою улыбку, и сказал:

– Надеюсь. Потому что сегодняшний урок почти полностью входит в тестирование.

Я мысленно чертыхнулась. А когда выходила из класса, обернулась через плечо на симпатичного преподавателя. Послала тому ещё одну улыбку, так, на всякий случай. Чтобы он не терял заинтересованности в моих успехах.

– Флиртуешь с Максимом? – со смешком поинтересовалась Галя, когда мы с ней вместе спускались по лестнице.

Я лишь вздохнула напоказ.

– Хоть с кем-то надо. А то всю квалификацию растеряю.

– Думаю, он не против. Кстати, я намекнула ему, что ты в разводе.

Я кинула на приятельницу удивлённый взгляд.

– Когда успела?

– Я всегда успеваю, ты же знаешь.

Я хмыкнула, призадумалась, поняла, что мне всё-таки любопытно и спросила:

– А он что?

– Сказал, что это полезная информация.

Мы с Галей переглянулись, вместе фыркнули и рассмеялись.

– Надо было сказать, что я живу в одной квартире с бывшим мужем. Думаю, интерес тут же пропал бы.

Не успела подумать о Серее, как он и объявился, точнее, отзвонился. И совершенно по-хозяйски, словно ему несколько месяцев назад и не выдали свидетельство о расторжении брака, поинтересовался:

– Ты где? Домой скоро?

– Ну, наверное, скоро, – проговорила я несколько строптиво.

– В смысле, наверное?

– Серез, ты чего хочешь? Иду я... К машине.

– Лёнька звонил. Он сегодня на дежурстве, просил нас подъехать к нему на работу. Говорит, информация есть.

– Ого, как быстро, – на самом деле удивилась я. – Видимо, есть, чем нас порадовать.

– Да уж. Знаешь куда ехать? Я за Любой заеду, и приеду.

Я посмотрела на небо, затем себе под ноги, и согласно проговорила:

– Конечно.

Люба, когда я её увидела, выглядела подавленной. А ещё бледной. Макияжа ноль, глаза красные и опухшие, понятно, что без конца плачет и страдает. Меня увидела, горестно всхлинула и полезла обниматься. Я спорить не стала, хотя, не слишком люблю женские объятия, тем более, горестные. Но Любу я к себе прижала, и даже по спине в знак поддержки похлопала. Сказала дежурное:

– Всё будет хорошо.

Золовка от меня отстранилась, кивнула и вцепилась в мою руку. Так мы к зданию прокуратуры и направились. Пропуска на нас уже были выписаны, мы поднялись на второй этаж, и Серега повёл нас к кабинету Снегирёва. Я, если честно, была несколько удивлена тем, как хорошо он знает дорогу. Никогда бы не подумала, что он здесь частый гость, а вот поди ж ты.

– Проходите. – Лёня поднялся при нашем появлении, но лишь для того, чтобы чайник включить. Нажал на кнопку и снова шлёпнулся в своё кресло, которое под ним жалобно скрипнуло.

– Что-то лицо у тебя не радостное, – заметила я, присаживаясь напротив него.

– Я на работе, – отозвался Снегирёв. – А на моей работе ничего радостного в принципе не происходит.

– Ясно.

Чайник за моей спиной со щелчком выключился, а Снегирев, окончательно приняв нахальный вид, попросил:

– Сима, налей кофе, а?

Я на него посмотрела, потом на бывшего мужа, который уже успел с удобством расположиться на колченогом кресле у стены, и мне, кстати, согласно кивнуть по поводу кофе, потом снова на Лёню. Решила вслух подивиться:

– Вы оба бессмертные, что ли? Я, вообще-то, двенадцать часов на ногах.

Люба со стула рядом со мной с готовностью подскочила:

– Я налью.

Золовка кинулась за чашками к шкафу, а я продемонстрировала мужчинам кулак. А Снегирёва попросила:

– Рассказывай давай. Уж полночь близится, а мы всё ещё здесь, – перефразировала я известное выражение.

Лёня потянулся было к каким-то бумагам на своём столе, затем вдруг передумал и даже рукой махнул. Только сказал:

– Порадовать мне вас, на самом деле, нечем.

Он кинул на Любу осторожный взгляд. Я тоже на золовку посмотрела, заметила, как та насторожилась и напряглась. По всей видимости, ждала не информации, а едва ли не приговора. Не знаю, в плане чего именно она рассматривала этот приговор: своим финансам на несколько лет вперед, либо всё-таки своим чувствам к Денису. Невооружённым глазом было заметно, как сильно она мучается. Побледнела, осунулась, под глазами темные круги, и, вообще, она выглядела несчастной. Наверняка, ещё родители сегодня к ней навдывались, и вылили на неё всю степень своего переживания и разочарования очередной неудачей дочери. Тут было от чего и осунуться, и аппетит потерять.

– В городе Прохорова мы не нашли.

Я не удержалась и фыркнула.

– Конечно, не нашли, если время упустили. Я когда тебе говорила о том, что надо его искать, хватать, объявлять «план перехват»? Два дня назад!

Снегирёв глянул на меня с едкой, снисходительной улыбочкой.

– Посмотрите на неё, генеральша! Да кто будет из-за какого-то аферюги «план перехват» объявлять? Он что, террорист?

Я обиженно надула губы. Сказала негромко:

– Он хуже. Он мошенник.

– Вот-вот, – поддакнул меня Лёня. – Вор и мошенник. И бегать по городу с собаками ради него никто не будет.

– Милиция называется, – вздохнула я.

– Ты успокойся, – настойчиво попросил меня друг семьи. – Со своими замечаниями.

И мы не милиция, а полиция.

Я на Серегу обернулась и поинтересовалась у того:

– Он издевается?

Бывший муж тут же кивнул, не собираясь ни с кем спорить, ни со мной, ни с дружкой, а я вздохнула. На Лёню посмотрела, и единственная поинтересовалась, словно все остальные сюда в качестве группы поддержки пришли:

– И что теперь делать?

– Что-что, – пробормотал Снегирёв, попивая кофе. – Следовать букве закона. Ведь если мы его не нашли, это совсем не означает, что город он уже покинул. Мы объявили его в розыск, разослали ориентировки, как подозреваемого в мошенничестве...

– В федеральный? – поинтересовалась я.

Снегирёв аж сплюнул с досады.

– Сима, ты кино, что ли пересмотрела?

– «Человек и закон» она смотрит, – заржал Серега. – Ночами.

Я кинула на бывшего мужа выразительный, предостерегающий взгляд. А Лёня вздохнул.

– Заметно.

– Так что теперь делать? – подала голос Люба.

Снегирёв на неё посмотрел, долгим таким взглядом. И сказал:

– Тебе – молиться. Чтобы его нашли. Потому что я покопался немного в судьбе этого товарища, и скажу вам, ребята, одно: дела хреновые.

Люба вдруг заревела. Как-то так запросто, слёзы просто полились из её глаз, а из груди посыпались горестные всхлипывания. Я протянула к ней руку, погладила по плечу. И попросила:

– Люба, не плачь.

– Не могу, не могу не плакать, – заревела она ещё горше. – Сима, ну почему мне так не везёт? Почему всё на меня валится? Все неприятности.

– Это ещё не неприятности, – проговорила я негромко. – Всё наладится.

– Я же его так люблю! Он же мне обещал!.. Что мы всегда вместе будем, что у нас будет дом, дети. А что получилось? Что же теперь, никому верить нельзя? Сима, никому?

Я вздохнула. Посмотрела на ступавшего от горестного Любиного монолога Снегирёва. Тот в ответ на мой взгляд развёл руками, а Серега на сестру цыкнул.

– Любка, угомонись.

– Не могу, – завывала та.

Лёня вздохнул.

– Услышит кто, подумают, что я подозреваемых пытаю.

– Успокойтесь все, – настоятельно потребовала я. – И давайте по делу. Лёня, что ты рассказать хотел?

– Да говорю же, ничего хорошего. Покопался я в биографии этого Дениса. Он с такими гастрольями, как понимаю, по всей России катается. Профессиональный альфонс. Сам родом с Выборга, приезжает в провинцию, на крутой тачке, отыскивает себе невесту подходящую, и начинает рассказывать сказки про то, как сильно он её любит, что даже готов променять жизнь в северной столице на любовь к ней. А на месте работу надо найти, жильё купить, а то

и машину поменять на более новую и солидную. Всё ведь для любимой. В общем, схема известная, ничего нового и оригинального.

Люба руками в расстройстве развела.

– Но ведь у нас всё хорошо было.

– У него со всеми всё хорошо, любовь-морковь, в этом-то и фишка. И никакой он не бизнесмен, бизнеса у него отродясь не было. Только документы на некое предприятие, которого, по факту, уже несколько лет не существует, да и он к нему никакого отношения не имел. Откуда уж бумаги взял, черт его знает. Может, в карты выиграл. Он числится в налоговой, как индивидуальный предприниматель, но за последние лет пять ничего так и не предпринял. Разъезжает по стране, дурочек ищет. Одна на него квартиру переписала, другая отцовский дом с гектаром земли в Алтайском крае. Третья, как Люба наша, кредит на строительство дома взяла. И всех он любил, и все его любили, а то, что не сложилось, так он, как бы, и не при чём. И не принуждал никого ни к каким поступкам и тратам, всё исключительно по любви.

– И что, много таких... – Я запнулась на определении «дур». – Жертв?

– Да десятка полтора наберётся.

Люба потерянно хлопнула длинными ресницами, а Серега с кресла выразительно проговорил:

– Офигеть.

– Во-во, – поддержал его Снегирёв. После чего даже вздохнул. – Прямо удивляешься... Заявлений на него написано с десяток, но ни разу ему ничего вменить не смогли. Всё поумному делает. Бабы приходят, и сами все документы добровольно подписывают, при свидетелях.

– Вот и наша тоже, – не удержался Серега, – тоже, взяла и подарила.

– Я не дарила ничего! – обиженно воскликнула Люба. – Я семью строила!

Я взяла её за руку, а на бывшего мужа кинула предостерегающий взгляд.

– В чём ты её винишь? Ты с Денисом тоже и водку пил, и по спине его хлопал, родственником называл. И ничего не заподозрил.

Серега недовольно надул губы и отвернулся от меня. А я на Снегирева посмотрела.

– Лёня, нам-то что теперь делать?

Тот плечами пожал.

– Чёрт его знает. Ждать. Заявление написали по факту мошенничества, теперь подождём, может, прихватят его где. Конечно, если Прохоров не дурак, – а он, поверь мне, не дурак! – то сейчас на дно ляжет...

– Заляжет он, – фыркнула я возмущённо, – я его уже с новой бабой видела! В нашем же городе!

Лёня снова плечами пожал, но продолжил гнуть свою линию.

– Я не думаю, что он затихарится здесь, город для этого слишком мал. Скорее всего, он подастся в родные края.

– В Питер? – переспросил Серега.

Лёня согласно кивнул. Подумал и добавил:

– По крайней мере, я бы так поступил. Там затеряться куда проще. Или в Москве.

Я крепко держала Любу за руку, потом аккуратно переспросила:

– А с чего ты взял, что Питер – его дом?

– Три первых случая, три первых заявления на него поступили именно оттуда. Затем седьмое. Судя по датам. Думаю, он периодически туда возвращается. А, значит, там его дом, привычный круг общения. К тому же, сам он из Выборга. Вполне логично, что со временем перебрался в Петербург.

Люба дёрнула рукой, я разжала пальцы. Золовка кинула на меня странный взгляд.

– Ты чего в меня вцепилась?

– Нервничаю, – призналась я.

Люба печально выдохнула.

– Понятно. – Посмотрела на брата, потом Лёню и неожиданно выдала гениальную идею: – Может, нам туда съездить?

– Куда? – обалдели все.

– Хотя бы, в Выборг. Поспрашивать о нём.

– Люба, он сто лет по месту прописки не живёт, – сказал Снегирёв. – Этот факт уже не раз устанавливался. А в Питере вы его где искать будете? Да и зачем? Думаешь, он увидит тебя, засовестится, и всё вернёт? Очень сильно сомневаюсь. – Лёня постучал кончиком шариковой ручки по столу. – Единственный шанс, это если его арестуют и по всем этим заявлениям привлекут к ответственности. Вот тогда можно идти в суд и оспаривать кредиты и договор купли-продажи. А в остальном, – он красноречиво развёл руками.

В общем, мы все окончательно расстроились. Вышли от Снегирёва, в молчании спустились вниз и вышли на улицу. Остановились. Если честно, даже друг на друга почему-то смотреть было неловко. Чувствовали себя обманутыми глупцами, по самолюбию которых прошлись бульдозером. А на Любу и вовсе было страшно смотреть, такой расстроенной она выглядела.

– Его ведь не найдут, да? – спросила она нас.

Серёга пожал плечами, а я честно сказала:

– Вряд ли.

– И что мне делать? Через десять дней в квартиру должны заехать новые жильцы. Серёж, что делать-то?

– Вещи собирать, – огрызнулся брат. – И переезжать к родителям.

Люба заревела в голос, а я порадовалась тому, что домой её повезёт Серёга, а не я. Любу было жалко, а смотреть, как она убивается, очень тяжело. Правда, и терпеть было трудно. Как-то невыносимо тоскливо, а ещё злость на Любу просыпалась. Я понимала, что ошибаться могут все, и её обманули в самых лучших чувствах, и сыпать на её голову все обвинения, несправедливо, но каждый раз, когда Люба заходила слезами, хотелось взять её за плечи, встряхнуть и поинтересоваться:

– Где были твои мозги? Почему ты не посоветовалась ни с кем?

Вот только после драки кулаками не машут.

После долгого дня готовить не хотелось. А вот есть хотелось зверски, и я, совершенно бессовестно, достала из морозилки Серёгины пельмени. Сварила на двоих. Когда он спустя полчаса появился дома, горячий ужин был готов.

– Круто, – выдохнул голодный бывший муж, – пельмешки.

Прозвучало это так, будто ничего вкуснее он за много лет и не ел. Между прочим, обидно. Во времена нашего с ним общего жития, я готовила много и часто. А тут он пельменям радуется.

– Как Люба? – спросила я его.

– Ревёт. Без конца ревет.

– Повод есть, – вздохнула я, лопаая пельмени. В одиннадцать часов вечера, между прочим.

– Квартиру жалко, – вздохнул бывший муж.

Я согласно кивнула. Встала из-за стола, сполоснула свою тарелку, а ему сказала:

– Завтра уеду на два дня.

– К тётке? – поинтересовался он.

– Да. Давно не была.

– Где давно, десяти дней не прошло.

– Всё равно...

Я видела, как Серёга на меня смотрит, упёр в меня недовольный взгляд, насупил брови, и даже губы надул. Всё это было мне знакомо, и обычно с этого у нас и начинались ссоры

и скандалы. Муж принимался выговаривать мне, что я занимаюсь совсем не тем, чем необходимо заняться. Что у нас, как бы, семья, и уделять внимание я должна именно ему, а не каким-то непонятым родственникам в деревне. А меня хлебом не корми, дай сбежать из дома к ним. И, вообще, непонятно, зачем мне тогда нужен муж... В общем, все его претензии мне были отлично известны, из-за них мы, в конце концов, и развелись. А сейчас Серега не имел никакого права мне их озвучивать, поэтому молчал и только надувался привычным недовольством, как воздушный шарик. Чтобы не видеть этого, я забрала у него грязную тарелку и отвернулась к раковине.

Следующие два дня дома меня не будет, и он успокоится. Хоть бы уже завёл себе кого-нибудь, постоянную девушку, что ли. Не стало бы необходимости за мной следить.

Утром я проснулась рано и в приподнятом настроении. Перед отъездом в деревню, я всегда просыпалась в хорошем расположении духа. Улыбалась без причины, радовалась, и этим мужа всегда раздражала. А как только поняла, в чем именно причина его недовольства, старалась не демонстрировать так явно свои чувства. Но, по всей видимости, они всё равно упорно прорывались наружу. И вызывали у Сереги бешенство. Но раньше мне приходилось с мужем прощаться, чувствуя себя перед ним виноватой, а после развода этого процесса можно было избежать. Я чувствовала облегчение. После официального развода я, вообще, чувствовала облегчение. Чувство вины из-за этого тоже возникало, прорывалось, но на него уже можно было не обращать внимания. Я радовалась тому, что уже через несколько часов буду там, где так хочу быть.

Не знаю для чего, но я приготовила бывшему мужу завтрак. Наверное, в качестве компенсации. За что-то. Утро было весьма раннее, Серега ещё спал, даже будильник на его телефоне должен был прозвонить только через двадцать минут, а я уже успела собраться, выпить кофе, и приготовить для бывшего мужа омлет и бутерброды. Правда, постояла после над тарелками, раздумывая над тем, для чего это сделала. Никаких обоснованных причин в своей голове не нашла, решила плюнуть на раздумья, что меня задерживали, взяла собранную заранее сумку с вещами и продуктами, и вышла из квартиры. Ехать до места назначения предстояло около двух часов. Но даже это не портило мне настроения.

Большое село Балясино находилось на территории соседней области. Село было крупным, даже сейчас, а уж по меркам прошлого века, числилось едва ли не райцентром для окрестных деревень. Хотя, не имело никогда статуса города, даже поселка городского типа, да и многоквартирных домов здесь было раз-два и обчёлся, и все не выше трёх этажей. Но в селе проживало почти пятнадцать тысяч жителей, имелось два крупных детских сада, школа и собственная больница. Всё это осталось и по сей день, людей в селе не убавилось, несмотря на то, что молодёжь всё же старалась уехать в город, устраивать свою дальнейшую жизнь там. Но им на смену в селе появились «дачники», так их называли местные. Городские жители из областного центра, а то и из самой столицы сюда добирались, раскупили пустующие и выставленные на продажу дома, кое-кто покупал пустые земельные участки и начинал собственную стройку, обустриваясь надолго, на года, а не ставя фанерные домики для летнего отдыха. В общем, посёлок, хоть и отдалённый, бурлил событиями и новшествами, жизнь в нём не затихала никогда. Прямо в посёлке был большой сетевой магазин, открылся пару лет назад, что стало дополнительным удобством, наряду с отремонтированной больницей и хорошей школой.

Когда я свернула под указатель «Балясино 3 км», на душе стало легко и спокойно. Радовалась я и до этого, с самого момента пробуждения, а вот сейчас вздохнула полной грудью.

Нужный мне дом находился на одной из тихих, зеленых улочек, в стороне от центральной площади села. Через несколько домов с одной стороны начинались поля, а чуть в сторону – и сосновый лес. Дышалось здесь невыразимо легко, воздух практически одурманивал. И никаких тебе посторонних звуков и запахов. Ни машин, ни запаха бензина, ни сигналов и скрипов тормозов. Лишний раз громкого голоса не услышишь, хотя, у нас есть соседи, любящие

поскандалить за своим забором. А вот на улицу они всегда выходили с невозмутимыми улыбками, видимо, всерьёз верили, что никто ссор и ругани не слышит. Это ведь жутко неприлично, выносить сор из избы, тем более в деревне.

Я подъехала к нужным воротам, припарковалась на засыпанном щебёнкой месте, сигнальщик не стала, чтобы не беспокоить соседей. Как я уже сказала, в деревне посторонних звуков не любили. Но стоило мне выйти из машины, как за воротами уже послышался звук хлопнувшей в доме входной двери, затем топот, железная калитка чуть скрипнула, когда её распахнули, и я увидела счастливого Гришку.

– Мама!

Улыбка озарила моё лицо, я ничего не могла с собой поделать. Я раскинула руки, и сын кинулся ко мне обниматься. Ему было почти десять лет, но он был сильным, рослым мальчиком. В свои годы практически доставал мне макушкой до плеча. Я прижала его к себе, уткнулась носом в его густые, русые волосы.

– Привет, мой хороший. – Я обхватила ладонями щеки сына и принялась его целовать. А Гришка, ещё минуту назад прижимавшийся ко мне, словно маленький, тут же принялся выворачиваться из моих рук и недовольно заворчал:

– Мам, ну ты чего, увидят же! Я же не маленький!

– А какой ты? – удивилась я. Но спорить не стала, отпустила, только по волосам его потрепала.

– Взрослый я уже, – фыркнул он, приглаживая растрепавшиеся волосы.

– Доставай из машины пакеты, взрослый, – посмеялась я. И тут же спросила: – Как дела?

– Хорошо. А ты мне наушники привезла?

– Привезла. В школе тоже хорошо? Ты собрался? Позавтракал?

– Да. Бабуля кашу рисовую сварила. – Гришка изобразил рвотный рефлекс, а я укоряюще на него взглянула. Даже проговорила с прямым намёком на его недостойное поведение:

– Гриша.

– Ну что? Я не люблю рисовую, ты же знаешь. Я манную люблю. И блины.

– Все должно быть сбалансированно.

– Ты в школу меня отвезешь?

– Отвезу, – согласилась я. – А то снова опоздаешь.

– С тобой Василий Борисович поговорить хотел, – обрадовал меня любимый сынуля.

Василий Борисович – его классный руководитель и преподаватель истории и географии в их школе. Беседы я с ним имела частые и порой долгие. Хотелось бы пореже.

– Что ты натворил? – стараясь быть строгой, поинтересовалась я.

Гришка обернулся на меня через плечо, вытаращил на меня невинные голубые глаза.

– Ничего. Клянусь.

Я промолчала. Конечно, верить в то, что мой сын всю прошлую неделю вёл себя в школе, словно ангел, не стоило, и я не поверила. Но промолчала я по-другому поводу. В такие моменты, которые случались всё чаще и чаще, я ловила себя на воспоминаниях об его отце. Грише, конечно, было невдомёк, но с возрастом он становился всё больше на него похож. С маленьким эта схожесть не так бросалась в глаза, но чем взрослее Гриша становился, тем явственнее это проявлялось. И я всё чаще замирала, будто пронзённая стрелой воспоминаний. От его фраз, интонаций, взглядов. Даже внешне Гриша становился всё явственнее похож на моего первого мужа.

– Хорошо, – пробормотала я негромко, мысленно подтолкнув себя хоть к какому-то действию. – Разберёмся.

На кухне меня встретила Таисия Павловна. Мы с ней столько лет были знакомы, столько всего прошли вместе, что я уже не понимала до конца, кем же мы с ней друг другу приходимся. По факту родства? Никем. Тая приходилась двоюродной тёткой моему первому мужу. Женщи-

ной она была приятной, нрав имела спокойный и добродушный, своей семьей так и не обзавелась. То есть, когда-то, очень давно, у неё был муж, она сама мне рассказывала ещё во времена моего первого замужества и нашего с ней знакомства. Муж был, а вот детей у них не было, и, в конце концов, муж от Таи ушёл, ради другой, что могла родить и родила ему сына. Тая любимого отпустила, а вот другую любовь встретить не смогла. То ли так любила того, первого, своего единственного, то ли не захотела больше разочаровываться, поставила на себе крест из-за невозможности стать матерью. С какого-то момента, это было ещё до моего знакомства с первым мужем, Тая переселилась в его дом, ухаживала за племянником, готовила и убирала, ждала того из долгих отлучек и командировок. А потом появилась я, и мы с ней в первый момент совершенно не знали, как себя вести друг с другом, две малознакомые женщины на одной кухне, так сказать. Но всё же смогли найти общий язык, даже подружиться, а потом... А потом случилось то, что случилось, и мы остались с ней вдвоём, и надеяться больше не на кого было. Прошло много лет, и вот мы родные люди. Больше, чем родные, уже много лет я называю Таю мамой. Сначала это было отговоркой для соседей, чтобы не было нужды объяснять кому-то наши родственные связи, а потом это слово по отношению к этой женщине обрело для меня тот самый главный смысл. Столько, сколько сделала Тая для меня и для моего сына, не делал для меня никто, даже собственная мать. Поэтому говоря Тае «мама», я нисколько не кривила душой.

– Мам, привет.

Она обернулась, улыбнулась, увидев меня. Поцеловала меня в щёку, когда я подошла.

– Ты рано. Думала, попозже приедешь.

– Отвезу Гришку в школу. Кофе пахнет...

– Сейчас налью.

– Мам, что он опять натворил? – вздохнула я, откладывая сумочку и присаживаясь у окна. – Василий Борисович снова меня к себе призывает.

– Призывает. – Тая поставила передо мной чашку с кофе и тарелку с кашей. Отказываться было бесполезно, Тая всё равно меня накормит. – Он был бы не против, если бы ты каждую неделю к нему на разговор приходила.

Я фыркнула.

– Брось. Я, конечно, понимаю, что он мужчина одинокий и, вроде как, интеллигентный, но мы с ним явно разного поля ягоды.

– Он-то об этом не догадывается.

– Ну, ты хоть ему намекни.

Она усмехнулась, потом выглянула в окно.

– Завтракай. А я Гришку найду. Уже умчался куда-то, зачем ему школа?

Тая из кухни вышла, а я осталась на кухне в одиночестве, не считая бело-рыжего кота, что спал на подоконнике. Я протянула руку и погладила его. Тоже за окно посмотрела, на грядки с зеленью и цветы на клумбе.

Это был мой дом. Мой дом, мои родные люди в нём, которых я с таким упорством и трепетом прятала ото всех. Никто не знает и вряд ли когда узнает, каких усилий мне стоило, наконец, обосноваться на одном месте, на много лет, чтобы иметь возможность жить здесь спокойно, не оглядываясь в страхе, вырастить ребёнка. Сколько пришлось сменить мест жительства до того, как купить этот дом, в надежде, что не придётся больше переезжать. Сколько людям мне пришлось соврать ради того, чтобы Тая с Гришей могли без опаски ходить по улицам. Что мне пришлось сделать, чтобы они ни в чём не нуждались.

Пять лет назад я купила этот дом в полуразрушенном состоянии, перевезла сюда свою семью вскоре после брака с Сергеем. Он лишь пару раз встречался с Таей и тогда ещё совсем маленьким Гришей. И был уверен, что это мои родственники. Моя тётя, двоюродная сестра моей погибшей некогда мамы, и её внук, сын Таиной неблагополучной дочери, которой и в при-

роде-то никогда не существовало. Но моему мужу была рассказана именно такая версия происходящих событий. Я специально познакомила их, чтобы иметь чёткое оправдание своих бесконечных отъездов. Серега и его родители, изначально похвалив меня за помощь родственникам, очень быстро начали проявлять недовольство моей бесконечной жертвенностью. Ставили условия, озвучивали свои претензии, которые я попросту отбрасывала в сторону, как не имеющие для меня значения. Но вслух никогда не перечила, и усердно выполняла свои функции жены. Потому что была виновата перед Сергеем. Он позвал меня замуж, признавался в любви на тот момент, а я, если честно, попросту воспользовалась представившейся мне возможностью, потому что у меня и выбора-то особо не было. Мне необходимо было выйти замуж, сменить фамилию, чтобы окончательно затеряться в городе, в который я за пару лет до этого переехала. Ни о какой любви я на тот момент и думать не могла, я лишь пыталась устроить свою жизнь и жизнь своего сына, а тут подвернулся теперь уже бывший муж. И я его обманула, я отняла у него несколько лет жизни, прекрасно понимая, что наш с ним брак, скорее всего, недолговечен. Нельзя прожить много лет на любви и эмоциях только одного человека, так не бывает. Но я всё равно пошла на обман. Обманула, вышла замуж, а потом, воспользовавшись тем, что муж больше не изъявлял желания ездить со мной к родственникам, к какому-то чужому ребёнку, я быстренько перевезла Таю и Гришу на другое место жительства, в Бялясино, даже область сменила, посчитав это самым лучшим решением. Серега до сих пор уверен, что я каждые выходные уезжаю в другом направлении. Правду знать ему не нужно. Ни к чему.

И вот я купила этот дом, хотя до этого жилье мы всегда снимали, потратила последние деньги на ремонт, на обустройство комфорта и удобства родных людей, отправила сына в местный детский сад, и вот уже пять лет мы живём тихо, не выставляя напоказ личную жизнь, достаток, не совершаем лишних движений. Мой сын пошёл здесь в школу, живёт и взрослеет, как обычный мальчишка. Он счастлив в этом посёлке. Единственное, что его расстраивает, это мои отъезды в город, но для него и для всех соседей и просто любопытствующих, есть отличное объяснение – я езжу в город зарабатывать деньги. А в остальном у нас обычная, среднестатистическая семья. Правда, без папы. Но ведь этим обстоятельством сейчас никого не удивишь, правда? Только я со страхом жду того момента, когда Гриша задаст мне тот самый опасный вопрос: «Мама, а кто мой папа?». Маленьким он уже интересовался этой темой, когда пошёл в сад. Понял, что у других детей есть по два родителя, и спрашивал меня, где наша недостающая частичка семьи. Но тогда его вопросы были неосознанными. Маленькому мальчику хватило объяснений, что его папа очень его любит, но быть с ним не может. А вот взрослому мальчику потребуются уже совсем другие ответы, согласитесь. И я боялась этого момента, всё чаще и чаще задумывалась о том, достаточно ли Гриша повзрослел для того, чтобы принять правду. И нужна ли ему эта самая правда. Тая вот считала, что не нужна. Что Грише хватит банальной истории про расставание и отъезд отца в другую страну. А вот я пребывала в сомнениях. Ведь сказать сыну, что отец его бросил, что он ему не нужен, было бы проще, я не спорю, но так несправедливо... Несправедливо по отношению и к Грише, и к его отцу. Который совершенно не виноват, что так и не увидел родившегося сына. Ложь казалась мне предательством по отношению к первому мужу. Я ведь его любила. Любила так, как, возможно, никого больше полюблю. По крайней мере, больше таких чувств я ни к кому не испытывала. Может, и хотела бы почувствовать нечто подобное к Сергею, но не случилось.

Может, я однолюбка?..

За пять лет проживания в доме, мы с Таей его буквально выпестовали. Отремонтировали, я потратила все последние деньги на ремонт. Даже второй этаж возвели, обустроив там две отдельные спальни и ванную комнату. Подвели все коммуникации, полностью заменили крышу и полы, и старый, покосившийся дом превратился в завидный, крепкий пятистеноч. Тая на участке разбила огородик, клумбы, Гриша выпросил для себя щенка, затем котёнка, и жизнь потихоньку наладилась. С соседями мы жили дружно, но особо ни с кем не сближаясь.

Я знала, что обо мне в селе ходят слухи, люди гадают, чем я занимаюсь в городе, и считают меня «девушкой с железным характером». Наверное, из-за того, что я смело взялась практически за перестройку дома, без всякой мужской помощи. А ту, что предлагали одинокие мужчины-односельчане, я вежливо отвергала. Ко мне даже свататься пару раз приходили, людям ведь невдомёк, что в городе меня ждал официальный муж. Я временами смеялась над всей этой историей, а временами принималась грустить. Из-за того, что, кажется, окончательно завралась, и моя жизнь превратилась в театр абсурда.

– Может, тебе перебраться сюда? – спросила меня Тая после нашего с Сергеем развода. – Что тебя в городе держит?

Я вздохнула. Сидела на веранде, в плетеном кресле, пристроив ноги на маленькой табуреточке перед собой. Так обычно Тая отдыхала в конце дня, а я иногда любила повторять за ней, было в этом что-то по-особенному близкое и родное.

– И что я буду здесь делать? – переспросила я её. – Работы нет, каждый день не наездишься.

Тая устремила на меня долгий взгляд.

– А что с деньгами?

Я красноречиво поджала губы, затем развела руками.

– Ничего. Основные деньги ушли на покупку моей половины квартиры и ремонт здесь. Остатки тянула, как могла. Но сейчас будем жить на мою зарплату.

Тая вздохнула, присела рядом со мной. Помолчала, потом за руку меня взяла.

– Не переживай. Как-нибудь проживем. У меня, в конце концов, пенсия.

Я смотрела вдаль, раздумывала. Потом пообещала:

– Я что-нибудь придумаю.

Тая тут же нахмурилась. Даже пальцем мне погрозила.

– Не вздумай. Не вздумай, Сима. Никаких придумок. Будем жить, как все. От зарплаты до зарплаты. – Она махнула на меня рукой. – Я всё сказала. Ты слышала меня?

Тогда я кивнула, согласившись. Но ощущение беспокойства уже несколько месяцев меня не оставляло. Хотелось большей стабильности, уверенности в завтрашнем дне. Хотелось дать своему ребёнку хорошее образование, не экономить на репетиторах, на летнем отдыхе. Понятно, что мой сын растёт на природе, на свежем воздухе, движения и энергии в его жизни в избытке, но мне, как матери, хотелось дать сыну море впечатлений. А получалось как-то не очень. Я привыкла каждое лето отправлять Таю с Гришей к морю, хотя бы к нашему, а это лето грозило стать финансово трудным. Поэтому я и пошла на языковые курсы, решив не откидывать хотя бы мизерную возможность на повышение.

От всех этих мыслей я без всякого аппетита доела кашу, что выдала мне Тая на завтрак, допила кофе, и вышла из дома. Позвала:

– Гриша, бери портфель и в машину садись. Опаздываем уже.

– Подумаешь, – фыркнул ответственный ученик. – Первым уроком физра.

– И что? Её не нужно посещать?

Гриша встал, опустил руки, закинул голову назад и простонал:

– Скорее бы учебный год закончился!

– Осталось две недели. Так что, не жалуйся. Бегом в машину.

Сын обожал, когда я приезжала рано утром, и отвозила его в школу на машине. Он всегда с такой важностью выходил из нашего старого автомобиля у крыльца школы. Мне было и смешно, и грустно, и умилительно одновременно.

– Мам, пока, – крикнул он мне, выходя из машины. А я помахала ему рукой.

Вернувшись домой, я застала Таю снова на кухне. Она затеяла печь пироги, а мне запретила что-либо делать.

– Сядь и отдохни, – сказала она мне. – И без того, как юла вертишься. Лучше расскажи, что нового. Твой как, съезжать не собирается?

Я вздохнула.

– Судя по всему, нет.

– Не хочет он тебя отпустить, вот и всё. Любит, наверное.

– Мы живём, как соседи, мам. И, напомню, он на развод согласился без всяких лишних слов.

Тая плечами пожала.

– Терпение у него закончилось. А потом, наверное, пожалел.

– Не надо ему ни о чём жалеть. Ему надо свою жизнь устраивать. А эта ситуация с совместным проживанием меня изрядно напрягает, если честно. Придётся ещё как-то квартиру делить, что-то покупать, наверное, брать ипотеку. – Я расстроено таращилась за окно. – Одни проблемы.

– Влюбиться тебе надо, – вдруг сказала Тая. – В хорошего мужчину.

Я даже фыркнула, не сдержалась.

– Где его взять?

– Не знаю. Должны же они где-то быть.

– Наверное, должны, – кивнула я, соглашаясь. – Я давно не встречала.

– Глупости. Просто ты влюбиться никак не можешь, пережить ту историю не можешь.

А пора бы. Десять лет прошло. А тебя, милая моя, проблемы загрызли. – Она ко мне повернулась, посмотрела задумчиво. – Может, нужно было Сергею твоему про Гришу правду рассказать? Жили бы с ребёнком, возможно, всё по-другому было бы.

Я тут же качнула головой.

– Нет. Я Гришу в город не заберу.

– Боишься?

– Боюсь.

– А чего вот ты боишься? Про него даже не знает никто.

– Не хочу рисковать сыном. Одно дело я, а совсем другое – мой ребёнок.

Тая печально качнула головой.

– Неужели это никогда не закончится?

– Мам, ты телевизор смотришь?

– Смотрю иногда. А что?

– Пока та история будет всплывать, это не закончится никогда.

– А она всплывает?

– Только несколько дней назад по Первому каналу рассказывали. А Серега сидел и слушал, открыв рот.

Тая приложила руку к груди.

– Что рассказывали?

– То самое. И как тут расслабиться и всё забыть?

– Господи, что же это творится...

Я потёрла друг о дружку неожиданно похолодевшие ладони. А Тая сказала:

– Не переживай. Я всё решу, я придумаю как. Понадобится, уеду в другой город. Только вопрос с квартирой решу... Вас с Гришей никакие проблемы не коснутся.

Она подошла, пару секунд просто стояла надо мной, а потом погладила меня по волосам.

– Бедная ты моя.

Когда она так делала, у меня сразу комок к горлу подкатывал. Никто, кроме Таи, меня никогда по голове не гладил, не жалел меня и не говорил ласковых слов. Матери своей я практически не помню, она погибла в автокатастрофе, когда мне было всего семь лет. Воспитывалась я в новой семье отца, особо никому там нужна не была, и сбежала оттуда замуж при

первой же возможности. Винить в чём-то отца было бессмысленно, его тоже уже нет в живых. Я знала об этом, хотя к тому моменту мы с ним уже несколько лет не общались, я уже была в бегах. Но, видимо, он даже не стал меня искать, писать заявление в полицию после той громкой истории. По всей видимости, решил, что ему и его семье это может аукнуться серьёзными неприятностями. Так что, моя семья теперь это лишь Тая, двоюродная тётка моего первого мужа, и мой сын. Но я очень рада, что Тая у нас с Гришей есть. Что мы не одни, что есть человек, который нас любит, который жалеет, находит нужные слова и никогда не предаст.

Я заставила себя сделать глубокий вдох и сказала:

– Давай я тебе лучше расскажу, как у нас Люба отчудила. Вот где беда и катастрофа.

Тая присела напротив меня за кухонный стол, а я принялась ей пересказывать последние новости. Тая ахала, я говорила, конечно, ко мне вернулось возмущение по поводу чужой хитрости и беспощадности, безразличия к чужим чувствам. И во время рассказа вдруг поняла, что мне не давало покоя в последние дни. Завелась во мне какая-то беспокойная червоточина, а я никак не могла её уловить, чтобы обдумать. Не могла, пока не пересказала Тае вслух произошедшее.

Прохоров, как посчитало следствие, вернулся в родной Петербург. И именно этот факт не давал мне спокойно дышать. Словно предчувствие нехорошее обволокло моё сердце, и я принялась чего-то ждать.

Интуиция – это моё больное место. Она меня никогда не подводила, к сожалению. Боюсь, не подводит и в этот раз.

ГЛАВА 4

В следующие две недели наступило затишье. Точнее, событиями эти дни изобиловали, например, теми, что Любе всё-таки пришлось освободить квартиру и переехать к родителям. Радостного в этом ничего не было, Люба снова заливалась слезами, на этот раз в бессилии, но сделать ничего было нельзя. За неделю до переезда, мы обегали, кажется, все крупные адвокатские конторы города, но никто не взялся нам помочь. Лишь руками разводили. Точнее, подать заявление в суд и попробовать оспорить договор купли-продажи юристы не отказывались, но честно предупреждали, что шансы на успешное завершение дела – мизерные. А денежных затрат судебное разбирательство потребует внушительных.

– Ещё одну квартиру потеряем, – вздохнул тогда мой бывший свекор, махнул рукой, и на этом бурную деятельность семейство моего бывшего мужа решило свернуть.

Квартиру Любе пришлось освободить, новые жильцы хотели как можно быстрее въехать в приобретённое жилище, и золовка лила слёзы, но паковала вещи. Я понимала, насколько ей было обидно, вот только обвинять кого-то, кроме себя самой, у неё не получалось.

– Можно я в выходные у вас с Сергеем поживу? – попросилась Люба в гости. И горестно вздохнула. – Рядом с родителями трудно. Отвыкла я давно, да и они без конца причитают. Жить неохота. Я на пару дней к вам.

«К нам» звучало странно, как-то неопределённо, но бывшей родственнице я не отказала. Да и бывший муж неожиданно сообщил, что на выходных собирается уехать к друзьям на дачу. Что-то там праздновать.

Мы с Любой сидели на кухне, пили чай, когда Серега нас об этом оповестил. Сказал и вышел из кухни, а его сестра хмыкнула и на меня с намёком глянула.

– Мог бы и тебя позвать с собой. Наверняка, друзья не новые, с горы свалившиеся, а ваши общие.

Я равнодушно пожала плечами.

– Ему нужно устраивать свою личную жизнь. Зачем ему там я? Пусть отдыхает.

Я чувствовала, как Люба разглядывает меня, пытается что-то рассмотреть, разгадать по выражению моего лица. Я старалась сделать вид, что не замечаю, но не помогло, она всё же решила поинтересоваться:

– А тебе всё равно?

– Что всё равно? – переспросила я.

– Что у него кто-то появится?

– Наверняка появится, – сказала я. – В конце концов. Не сейчас, так позже. Это нормально.

– Не понимаю, – категорично заявила Люба. – Не понимаю, как можно расстаться и ничего друг к другу не чувствовать.

– Можно подумать, ты никогда не расставалась.

– В том-то и дело. Расставалась много раз, и каждый раз это был кошмар. Для меня, по крайней мере. Мне никогда не было всё равно.

– Люба, я не говорю, что мне всё равно, – попыталась донести я до неё. – Просто мы с твоим братом в какой-то момент пришли к завершению наших отношений. Мы их прожили до конца, понимаешь? Это совсем другие чувства, другие отношения. И я искренне желаю ему найти новую любовь. Чтобы он был счастлив. Ревности во мне нет.

Люба подпёрла подбородок рукой, глаза в стол опустила. Помешивала ложечкой чай в чашке. Потом сказала:

– Грустно всё это. Сима, как думаешь, когда-нибудь я встречу человека, который навсегда со мной останется?

– Конечно, встретишь, – уверенно проговорила я.

– А ты?

– Я? – переспросила я в лёгкой растерянности. Неожиданно её вопрос меня смутил. Я дёрнула плечом. – Не знаю. У меня характер плохой. Я вечно отыскиваю в людях недостатки. Зачем-то.

– А я наоборот. Никаких недостатков не вижу. Как последняя дура.

Я золовке улыбнулась.

– Может, на время обменяемся привычками?

– Не мешало бы.

О Денисе Прохорове ничего слышно не было. Я раз в два дня стабильно звонила Снегирёву и интересовалась новостями. Говорила, что переживаю за Любу, и все мне верили. Конечно, я, на самом деле, за неё переживала, всё-таки считала подругой, но куда больше меня сейчас волновал Прохоров и его возможное место пребывания. Но Лёня каждый раз заверял меня, что мерзавец сгинул в неизвестном направлении.

– Запрос в Питерскую полицию мы подали, он находится в розыске, но пока никакая информация о нём не появилась. Сима, ты же понимаешь, что такого, как Прохоров, будет очень сложно отыскать. Это птица, которая летит, куда хочет. Кто знает, с кем он за последние месяцы смог наладить связь и завязать знакомство. Нашёл себе очередную влюблённую дуру, и отправился к ней, в любую точку нашей немаленькой страны.

– Ну да, ну да, – пробормотала я. Мои мысли в этот момент мало касались печалей разочарованной Любы, гадала я о другом. Потом куда более бодрым голосом проговорила в трубку: – Ладно, будем надеяться, что жизнь свершит справедливость.

– Чего? – переспросил Снегирёв.

Я пояснила:

– Что накажет его, Лёня.

– Ну, я бы особо на это не надеялся, но почему бы и нет?

– Если будут новости, сразу звони, – попросила я его. Хотела уже телефон отключить, даже попрощаться успела, а Лёня меня позвал по имени, и я снова вернула телефон к уху.

– Сима.

– Что?

– А ты на день рождения к жене Артёма Баранова едешь?

– Э-э... – задумчиво протянула я, не зная, что сказать. – Меня, вроде как, не приглашали.

– Просто Серега поедет. На даче собираемся.

Я вздохнула. Наш развод с мужем случился полгода назад, времени прошло достаточно для того, чтобы человеческое любопытство и удивление унялось, но из-за нашего совместного с Серегой проживания, друзья и знакомые упорно отказывались верить в наше расставание. По-прежнему считали нас парой, которая в один не очень прекрасный момент свернула не туда. Но мы живём под одной крышей, значит, до сих пор семья. А теперь вот Серега идёт на день рождения, его позвали, а меня нет. Как подозреваю, меня не позвали потому, что именно бывший муж попросил этого не делать, в конце концов, это его школьный друг, а не мой. И теперь все вокруг принялись задавать вопросы. С тем же пылом, что и вовремя нашего с ним бракоразводного процесса. Не понимали, как реагировать, и как теперь с нами общаться. Как и раньше обращаться к нам обоим, или поодиночке.

– Хорошо вам отдохнуть, – сказала я Лёне, пресекая тем самым все дальнейшие расспросы. – Поздравьте от меня Алёну. Пока, Лёня.

Телефон я выключила, недовольно надула губы. Как же трудно общаться с людьми порой.

– Всё в порядке? – спросила меня Галя, когда я вернулась на рабочее место после перерыва. – Ты какая-то разозлённая.

Я лишь отмахнулась, всем своим видом давая понять, что, в принципе, ничего серьёзного не случилось, но всякими глупостями меня успели разозлить. Я прицепила бейдж с именем на лацкан форменного пиджака, присела на своё место за стойкой регистрации, растянула губы в широкой улыбке, увидев проходящее мимо начальство. Один из владельцев гостиницы появился в холле, обозрел помещение цепким взглядом, а когда его взгляд обратился ко мне, я и улыбнулась.

– Добрый день, Николай Аркадьевич, – поприветствовала его сладким голосом Галина за моей спиной.

Николай Аркадьевич, мужчина весьма колоритной внешности, будто бывший боксер в тяжелом весе, с поломанной переносицей, пудовыми кулаками и заметно поредевшими волосами на затылке, что ему никак не шло, выглядело странно, но ничего поделать с возрастными процессами он, судя по всему, не мог. После Галиного приветствия и моей улыбки, он подошёл к стойке и облокотился на неё.

– Привет, девчонки. Как дела?

– Всё хорошо, спасибо. Никаких эксцессов.

– Замечательно. Обожаю, когда вы так говорите. Что с заселением?

– Семьдесят процентов. К вечеру ожидаем туристическую группу из Москвы.

– Звучит оптимистично.

Он продолжал стоять и смотреть на меня. Николай Аркадьевич, вообще, любил на меня смотреть, я не раз замечала, но дальше взглядов наше с ним общение никогда не заходило. Я притворялась, что вовсе ничего не замечаю, а он после легко улыбался и отправлялся звонить жене, даме с весьма властным характером, под стать грозной внешности мужа, докладывать, что любит, ценит, верен и, вообще, счастлив из-за того, что она его жена. Не знаю почему, но мне казалось, что он заверяет её именно в этом. Отходит от меня, достаёт из кармана телефон, тыкает в него пальцем, и вот уже я слышу его голос:

– Зайчонок, я на работе... Всё хорошо, конечно, помню, конечно, люблю...

Вот и сейчас Николай Аркадьевич от нас отошёл и потянулся рукой к внутреннему карману пиджака. Мы с Галей одновременно усмехнулись. Она даже негромко проговорила, с особой интонацией, и специально для меня:

– Мужчины.

– Но, знаешь, – загадочным шёпотом сказала я, откинув голову назад, глянув на коллегу снизу-вверх, – всё равно приятно быть чьим-то объектом созерцания.

– Было бы куда приятнее, если бы он тебе зарплату повысил. А так, за бесплатно тарасщится.

Я улыбнулась, повернулась обратно к компьютеру. И подскочила от неожиданности, когда на стойку, прямо на уровне моих глаз, со шлепком приземлился чей-то паспорт. Я глаза вскинула, немного испуганно, и увидела перед собой мужчину. Голубые глаза внимательно смотрели на меня через стёкла очков в тонкой оправе. И в первые две секунды я сосредоточилась именно на этих глазах, даже их выражение меня не особо интересовало, я поразились их голубизне и пронзительности. Затем всё-таки моргнула, возвращаясь к реальности, чуть сдвинулась назад на стуле, и тогда уже более трезво взглянула на человека перед собой.

Мужчина, довольно высокий, совершенной, интеллигентной внешности, стоял перед стойкой регистрации, прямо передо мной, абсолютно спокойно глядя на меня и Галю. Он не наклонялся, не облакачивался, как делают многие. Он стоял с ровной спиной, держал в руках кожаный портфель, а вот свободную руку положил на стойку, и я увидела массивный циферблат часов на его запястье и широкий, металлический браслет, что охватывал его. Часы, без всякого сомнения, были дорогими, не просто безделушка. Да и одет мужчина был, будто с обложки бизнес-журнала. Однотонная голубая рубашка с твёрдым воротничком, строгий пиджак, без единой игривой мелочи. Идеально вышит и причёсан. В его внешности не было

ничего, за что бы мог зацепиться взгляд, как за неподобающее, неряшливое или простецкое. Мужчина аккуратным жестом поправил очки на носу.

– Добрый день. Для меня бронировался номер. На фамилию Филатов.

Я вспомнила, что мне необходимо улыбнуться гостю. Растянула губы в дежурной улыбке.

Отозвалась:

– Добрый день. Одну минуту, я проверю. – Я нажала пару кнопок на клавиатуре. Мои губы раздвинулись в более подобострастной улыбке. – Да, всё верно. Иван Олегович?

Он коротко кивнул.

– Будьте добры, паспорт, – заученно проговорила я. В ответ тишина, я через секунду подняла на мужчину взгляд, не понимая, отчего он молчит и почему ничего не предпринимает. И тут вспомнила, что его паспорт уже некоторое время лежит передо мной на стойке. Мы встретились взглядами, под его холодным, серьёзным взглядом из-за стекол очков, мне вдруг стало неловко. Даже мурашки поползли по спине. И моя следующая улыбка вышла несколько кривоватой и смущённой. – Извините, – пробормотала я, забирая его паспорт.

Мне не нравилось, как он на меня смотрел. С таким равнодушием, будто я была неодушевлённым предметом, обслуживающим его. Наверное, именно так я перед ним и представляла. Нечто, что обустроивает его быт в этот момент. Ненавижу таких личностей. До того вежливы, воспитаны и интеллигентны, что являются воплощением самовлюблённости. Никого не ставящие во главу угла, кроме себя.

– Вам нужно подписать здесь, – сказала я ему, стараясь больше не встречаться с Филатовым Иваном Олеговичем взглядом. Положила на стойку перед ним анкету с его данными. Рядом положила шариковую ручку. Ручку он взял, придвинул к себе бумаги, и я видела, как бегают его глаза по строчкам текста. То, с каким вниманием он вчитывался в собственные данные, всё мне о нём сказалось. Адвокат. Знакомая реакция.

Его роспись была резкой и стремительной. И совершенно непонятной. Я забрала бумаги обратно, и неожиданно услышала:

– У вас удивительное имя.

Его голос прозвучал всё также равнодушно и безразлично. А вот я вскинула на него удивлённый взгляд, посмотрела непонимающе. А Иван Олегович глазами указал мне на бейдж, что красовался на моей груди.

– Серафима. Очень красиво. Сейчас редко такое имя встретишь.

Я застыла в растерянности. Возможно, мне нужно было сказать ему спасибо, вот только я не поняла, было это комплиментом или нет. Потому что после Иван Олегович забрал свой паспорт, выданный ему ключ от номера, и от меня отвернулся. А я вдруг опомнилась, и уже ему в спину поспешно проговорила:

– Ваш номер триста пятнадцать. Третий этаж, правое крыло.

– Спасибо, – кинул он мне через плечо, и направился в сторону лифта. При нём был лишь небольшой чемоданчик с вещами. Я смотрела ему вслед, и едва заметно дёрнулась, когда Галя проговорила у меня над ухом:

– Видала? Вот такие они, столичные шишки.

Я опустила на стул. Отчего-то здорово нервничала.

– С чего ты взяла, что он шишка?

– А то по нему не видно. Хлыщ московский.

Я заставила себя сделать глубокий вдох. Секунду молчала, а затем сама предложила:

– Может, вечером сходим куда-нибудь? Давно собирались же. Любу возьмем, ей надо отвлечься.

Галя присела на соседний со мной стул, включила свой компьютер. А мне сказала:

– Ей надо не отвлечься, а найти нового мужа.

Я улыбнулась, а коллегу попросила:

– Не будь злой. Так что, идём?

– Конечно. Я всегда «за». Устроим девичник.

К наступлению вечера я окончательно убедилась, что мне необходим бокал вина. А лучше два. После работы я доехала до дома, порадовалась тому, что Серега уже успел отчалить на дачу Барановых, и мне не придётся собираться в ресторанчик, в котором мы с Галей забронировали столик, под его насмешливые взгляды и реплики. Люба ждала меня уже при параде, и я даже вслух порадовалась за неё, за её броский наряд и идеальный макияж, мол, не всё так плохо, как она сама думала. Она готова начать жить дальше.

Люба, присев на подлокотник кресла, наблюдая за моими поспешными сборами, невесело усмехнулась.

– Начинать жить дальше без квартиры и по уши в долгах, как-то не слишком весело, знаешь ли.

Я глянула на неё через отражение в зеркале. Выражение на лице золовки было печальное.

– Всё наладится, – сказала я ей. – По-другому не может быть.

– Ты оптимист, Сима. Всегда такой была.

– Как жить по-другому, я не знаю, – пожалала я плечами. Покрутилась перед Любой в выбранном наряде. – Как тебе?

– Ты красавица, – заверила она.

В ресторан мы отправились на такси. По дороге развеселились, Люба начала смеяться, а я радовалась её хорошему настроению. У дверей ресторана встретили Галю. Та тоже принарядилась, выглядела ко всему готовой, к любым приключениям и переменам в жизни.

– Девочки, мы все свободны, молоды и красивы, – заявила она, стоило нам с Любой выйти из такси. – Пусть все мужчины этого города в этот вечер лягут у наших ног. Как вам план?

Я от души рассмеялась.

– Сногшибательный.

Ресторан, который Галя выбрала для нас этим вечером, в городе имел репутацию «пьяного» ресторана. Ничего плохого и пошлого здесь не происходило, зато уровень веселья всегда зашкаливал. Люди пили, танцевали, пели в караоке, вот только возраст отдыхающих был от тридцати лет и выше. По всей видимости, это градус радости и добавляло. Люди знали, для чего они сюда приходят и что могут себе позволить.

– Где ещё женихов приличных искать? – рассуждала Галя, усаживаясь вместе с нами за столом и окидывая зал ресторана жадным, ищущим взглядом. – Самое подходящее место.

Я никого искать не собиралась, по крайней мере, сегодня, просто хотелось отдохнуть и расслабиться. А вот Люба тоже оглядывалась, поправляла то и дело причёску, но отчего-то нервно облизывала губы.

– Что с тобой? – спросила я её.

Люба вздохнула, а затем негромко проговорила, наклонившись ко мне.

– Мы с Денисом здесь познакомились.

Надо же, а я и забыла. Вот поэтому Люба и оглядывается. Я накрыла ладонью её руку и чуть сжала. А золовке на ухо проговорила:

– Его нет в городе, ты же знаешь.

Люба секунду помедлила, после чего кивнула.

– Да, знаю.

– Вот и не думай о нём.

– Вот именно, – вмешалась Галя категорическим тоном. – Мы не вспоминаем о предателях. Много чести. – Она обвела зал рукой. – Люба, смотри, сколько мужиков. Выбирай любого.

– Она ещё не готова, – вступилась я за родственницу. – Нужно время, чтобы пережить.

– А ты готова? Серега вон помчался устраивать личную жизнь без тебя, а ты сидишь в ресторане и мнёшься, Сима.

– Ничего я не мнусь, – обиделась я. – Просто мне никто не нравится.

– Так надо найти того, кто нравится, – бодро заявила Галя. И послала кому-то через зал шикарную улыбку. Уже высмотрела кого-то. Конечно же, я не сдержала любопытства, оглянулась через плечо. Увидела в другом конце зала троих мужчин за столиком. Всем под сорок, выглядели вполне упакованными, выпивали и общались. Только один из них всё поглядывал в нашу сторону, по всей видимости, уловив от Гали искры заинтересованности. И когда она только всё успеваешь? Мы войти толком не успели, а она уже улыбается вовсю. Я вот даже никого не рассмотрела.

– Давайте закажем шампанского!

– Давайте, – согласилась я.

Вместе с нашим заказом нам принесли ещё бутылку шампанского в подарок от мужского стола. Галя радовалась вниманию, Люба, кажется, тоже расслабилась, снова начала улыбаться, особенно обрадовалась, когда её пригласили танцевать.

– Сима, тебе жизненно необходим кавалер, – сказала мне Галя в какой-то момент.

Я на какое-то время осталась за столиком одна, пила шампанское и поглядывала по столам. Наблюдала за танцующими, улыбалась подругам, но идти в разнос, как того требовала от меня Галя, мне совсем не хотелось. Мужчин вокруг, на самом деле, было предостаточно, и я чувствовала, чувствовала чужие взгляды, прикованные ко мне, и старалась разобраться в своих ощущениях. Что-то меня смущало в происходящем, точнее, настораживало. И я оставалась на месте, поглядывая по столам, пытаюсь понять, кто за мной наблюдает. Насчитала по меньшей мере четырёх мужчин, в разной степени заинтересованности. Не понравился мне ни один.

– Как дела? – спросила я Любу, когда та, запыхавшаяся и раскрасневшаяся после танцев, вернулась за столик. Схватила бокал с шампанским и залпом допила.

Золовка мне улыбнулась.

– Хорошо. Мне весело.

– Это замечательно.

– А ты почему сидишь? Пойдём танцевать.

– Сейчас пойду, – пообещала я. Но тут и Галя объявилась, буквально упала на свой стул, сдула со щеки, что алела, как цветок, тёмную прядь волос. Наклонилась к нам через стол и затащила загадочным шепотом:

– Девочки, кажется, у меня любовь!

– Уже? – удивилась я.

Галя засмеялась.

– С первого взгляда. Такой интересный товарищ! Говорит, готов жениться, соскучился по борщам, ремонтам и скандалам. Это точно мой вариант!

– Так сразу в загс?

– Так сразу нельзя, – мрачно проговорила Люба. – Я это уяснила раз и навсегда.

Галя махнула на её тоскливое лицо рукой.

– Я и не собираюсь. Но порадоваться-то можно. – Она на меня посмотрела. – А тобой вон тот лысый сильно интересуется.

– Какой лысый? – машинально переспросила я.

– За тем столом сидит. Подходил ко мне, спрашивал, стоит ли ему пытаться завести с тобой знакомство. А то, может, замужем, и так далее. Ты же, Сима, сидишь на месте с лицом Снежной королевы.

Я повернула голову, посмотрела в ту сторону, в которую Галя указывала. И, на самом деле, за одним из столов увидела лысого, но франтоватого мужчину. Лет сорока, одет с иголочки, блеск бриллиантовых запонок на манжетах его рубашки я даже через зал рассмотреть смогла. Вот только лицо у него было несколько неприятное, настораживающее. Близко поса-

женные глаза с прищуром смотрели на мир, тонкие губы недовольно поджаты, а взгляд цепкий. Правда, когда он заметил, что я обратила на него своё внимание, мужчина мне улыбнулся. А затем даже рукой махнул.

Я отвернулась от него. За что удостоилась укоризненного взгляда от Гали.

– Тебе трудно человеку улыбнуться? – спросила она.

Я удивилась.

– Зачем мне ему улыбаться, если он мне не нравится?

Галя переглянулась с Любой, многозначительно. И сказала той:

– Так она никогда замуж не выйдет.

– Раньше же выходила, – весело заметила я, снова потянувшись к бокалу с шампанским.

– Раньше ты была молодая и беспечная, Сима. А теперь с каждым годом всё труднее будет. Молодые соперницы нам на пятки наступают. А нам им, кроме жизненного опыта, и противопоставить-то нечего. А опыт, чтоб ты знала, никого не красит. Он возраста и печалей придаёт.

– Господи, Галя, целая философия, – поразилась я. И тут же посоветовала: – Больше не пей.

От меня возмущённо отмахнулись, а я рассмеялась. Громко и звонко.

– Нам всем, здесь собравшимся, к вашему сведению, девочки, за тридцать перевалило. Вы осознаёте, как страшно жить?

Люба с Галей горестно переглянулись, вновь наполнили свои бокалы, а я за ними наблюдала со скрытым весельем.

– Добрый вечер, дамы, – прозвучал мужской голос совсем рядом. Мы все втроём замолчали, головы подняли, красиво подведённые глаза вскинули, и увидели перед своим столом того самого лысого Дон Жуана. Я, если честно, совсем не обрадовалась, а вот девчонки дружно заулыбались. – Позвольте присесть к вам за столик и угостить вас шампанским, – прозвучало галантное предложение.

– Спасибо, – сказала я, аккуратно приглядываясь к новому знакомому, – у нас есть шампанское.

Лысый сел, не дожидаясь официального приглашения, потянулся к ополовиненной бутылке с шампанским, повернул её, чтобы взглянуть на этикетку, и пренебрежительно скривил и без того тонкие губы. И почему-то именно на меня глянул, с намёком.

– Думаю, такие красивые девушки достойны куда большего.

Он поднял руку и щёлкнул пальцами. Если честно, даже глазами официанта не поискал, просто щёлкнул пальцами. Его уверенность в себе, признаться, впечатляла. А ещё больше впечатлило то, что официант, на самом деле, возник, как по мановению волшебной палочки. Просто взял и появился. Лысый попросил принести его новую бутылку шампанского, даже назвал определённое наименование.

Официант вернулся, кажется, всего через минуту, отточенными движениями откупорил бутылку с лёгким щелчком, разлил шампанское по бокалам, а наш благодетель улыбнулся, словно змей-искуситель.

– Давайте знакомиться, девушки. Меня зовут Роберт.

Галя с Любой хлопнули на него глазами.

– Что, правда, так и зовут?

Лысый рассмеялся.

– Да, представляете? Мама у меня была весьма романтической особой. Придумала имя, которого ни у кого больше в те годы не было. Вот и живу в России Робертом. Зато меня редко забывают.

Да уж, такого, как лысый Роберт, забыть затруднительно, это точно. И дело тут совсем не в имени. А в его пристальных взглядах, скользких повадках и бесконечном намеке, что звучал в его интонациях.

– А вы что же одни отдыхаете, без кавалеров?

– Остались без кавалеров, – развела Галя руками, продолжая старательно удерживать на лице глупую, блаженную улыбку. Я этому удивлена не была, Галя улыбалась так каждому мало-мальски обеспеченному мужику, даже находясь за стойкой ресепшена в гостинице. Была у неё такая мечта – выйти замуж за богатого. А от Лысого буквально волнами исходило ощущение обеспеченной жизни.

Роберт посмеялся, точнее, противно похихикал.

– Остались без кавалеров, – повторил он за Галей, – и решили выйти на охоту?

– А что? Мы девушки красивые, хоть и одинокие. Все хотят счастья.

– Это точно. – Роберт на меня посмотрел. – Я не расслышал вашего имени, – обратился он конкретно ко мне.

Мы встретились с ним взглядом, и я поняла, что ничего не могу сказать. Попросту не могу. Но ведь это не страшно, у меня же подруги есть, которые всегда придут на помощь. Люба вот тут же среагировала и дала Роберту ответ.

– Её зовут Серафима.

– Какое удивительное имя, – «поразился» Лысый. Второй раз за день слышу это утверждение, что у меня удивительное имя. Вот только меня это совершенно никак не трогает. Наверное, потому, что мою душу после его слов, интонаций, пристальных взглядом, заполнил леденящий холод. Я даже не могла заставить себя раздвинуть губы в улыбке. Никак не получалось. Я просто сидела напротив и смотрела на Лысого, глаза в глаза. И он на меня смотрел.

Две недели затишья. И вот они закончились.

– Девчонки, может, вы пойдёте, потанцуете? – предложила я подругам. Кивнула в сторону танцплощадки. – Вас там женихи заждались. А то уведут.

Кавалеры, которые совсем недавно уделяли Гале с Любой внимание, на самом деле, были нарасхват. Они обе обернулись, посмотрели, затем в сомнении глянули на меня.

– А ты? – спросила меня Люба.

Вот ей я улыбнулась.

– А мы с Робертом общаемся. Вдруг найдём что-то общее.

Мой ответ, по крайней мере, Любу, никак не устроил. По всей видимости, по моему тону она поняла, что не всё в порядке, но я так на неё смотрела в этот момент. Настойчиво и с открытым намёком, что золовка поднялась из-за стола следом за запьяневшей, веселой Галей. Они обе отошли от стола, но я краем глаза видела, что Люба не отправилась танцевать, а отошла к барной стойке, и оттуда за мной наблюдала. По всей видимости, Роберт, со своими шикарными замашками, её не слишком впечатлил, как и меня.

Мы остались с ним за столом вдвоём. Роберт пил коньяк из пузатого бокала, что не позабыл принести ему официант, на меня посматривал, хитро и с усмешкой. А я разглядывала его. Разглядывать, в сущности, было нечего, мне одного взгляда хватило, чтобы понять, что Лысый явился по мою душу. И я чувствовала, чувствовала, как тревожно сжалось, а затем заскакало сердце в моей груди. Но я ничего не могла изменить, ничего не могла исправить. Всего две недели после отъезда Прохорова, и вот по мою душу уже явились. Ну что за напасть?

Мне надоело молчать и тарашиться на Роберта. Надоело, что он меня, без всякого стеснения, разглядывает. И коротко поинтересовалась:

– Что нужно?

После моего вопроса, на его лице расплзлась, по истине, восторженная улыбка. Роберт смотрел на меня едва ли не с умилением. Головой качнул.

– Ничего. Просто захотел посмотреть.

– На что?

– Удостовериться. Что люди не врут.

– Какие люди?

Лысый рассмеялся.

– Серафима Михайловна, а вы умеете задавать правильные вопросы.

На одну секунду, но я здорово перепугалась. И запаниковала. И от этого сделала глупость, решила притвориться непонимающей.

– Я не уверена, что понимаю вас, – проговорила я. – Такое ощущение, что вы меня с кем-то путаете.

– Да если бы, – неожиданно вздохнул он. Поболтал в своём бокале остатки коньяка, разглядывал янтарную жидкость. Затем признался: – Знаете, я ведь тоже не слишком рад тому, что вы каким-то чудесным образом проживаете в моём городе.

– В вашем городе? – переспросила я.

– Ну, как бы да. Зона, так скажем, моей ответственности. Как я понимаю, проживаете вы здесь не один год, то есть, я не досмотрел.

Я аккуратно сглотнула. Не хотелось показывать ему, насколько я занервничала.

– А что вы должны были увидеть? Я гражданка этой страны, проживать могу, где угодно.

– Это, конечно, так. Но вы ведь не просто гражданка. Вы гражданка, находящаяся в розыске.

– Неправда. Меня никто не ищет.

Он снова открыто взглянул на меня и рассмеялся.

– А вот в этом вы правы. Если честно, никогда не встречал таких ловких особ, как вы. Вас ведь, действительно, много лет никто не искал. Это поразительно.

– В этом нет ничего поразительного, – холодно проговорила я. – Я живу обычной, среднестатистической жизнью. Работаю, ипотеку плачу, – немного приврала я. – Ничего поразительного в моей жизни нет. Так и передайте им.

Лысый потешно вытаращил на меня маленькие, узкие глазки.

– Кому?

– Тем, кто заинтересовался вдруг моей судьбой. Я ничего не знаю о тех событиях. И знать не хочу. Лёша мёртв уже больше десяти лет, и с его смертью для меня всё закончилось. И попрошу оставить меня в покое. – Я вцепилась в свою сумку, что лежала на соседнем со мной стуле, из-за стола поднялась. Не хотела, но всё же взглянула на Лысого, что остался сидеть в расслабленной позе, поглядывая на меня снизу-вверх. И он не просто поглядывал, он, не скрываясь, меня разглядывал. Затем с каким-то особым смаком проговорил:

– Красивая. Когда про тебя вспоминают, только и говорят: до одури красивая девка. Это стало почти легендой. Приятно быть совершенством в глазах кучи мужиков, Серафима Михайловна?

Я чуть наклонилась к нему, не сообразив, что этим самым открываю доступ его взгляда к моему декольте. Взгляд Роберта тут же туда нырнул, но я выпрямилась лишь через пару секунд, растерялась. Правда, ему сказала:

– Это всё сказки. Этого ничего не было. Оставьте меня в покое.

Я отступила от стола, а Роберт проговорил мне в спину:

– Вас отвезут домой.

Я остановилась, оглянулась на него. Наверное, всё-таки со страхом. Но всё же заставила себя вздёрнуть подбородок.

– Спасибо, но я откажусь, – проговорила я с предостережением.

Он допил коньяк, равнодушно пожал плечами. И сообщил:

– Тогда проводят.

Я отвернулась от него, направилась к выходу, всеми силами давя в себе сумасшедшее желание заорать от ужаса.

Сначала я хотела бежать, куда глаза глядят, как только выйду за дверь. Но вовремя одумалась. Понятно, что никуда сбежать мне не дадут. Наоборот, мне нужно вести себя, как можно спокойнее. Не терять самообладания. Показать всем заинтересовавшимся моей персоной, что мне совершенно нечего скрывать. Что я много-много лет живу обычной жизнью обывателя, и всех их домыслы на мой счёт, не больше, чем фантазии. И то, что я сейчас сбежала от Лысого, играет против меня. Нужно было притвориться непонимающей, блаженной дурочкой.

Господи, я же так долго репетировала невинный взгляд и глупое выражение на лице, была уверена, что в любой момент смогу включить эту «маску», при любом намёке на угрозу, а вышло всё совсем иначе. Сказать, что я была расстроена, значит, ничего не сказать.

И ведь я предвидела такой поворот, чем-то меня Прохоров в своё время насторожил, хотя, за все месяцы нашего с ним общения, он никак не дал мне понять, что моё лицо ему знакомо. А я попросту его невзлюбила, мне не нужны были причины для бунтующей интуиции. Не могла подумать о том, что он окажется аферистом, на котором пробы ставить негде. Да ещё и из моего родного города. Мы никогда с ним «за жизнь» не говорили. По всей видимости, зря.

«Расслабилась ты, Сима, расслабилась. Забыла, что значит жить и оглядываться».

Я с трудом заставила себя разжать кулак. Сжала его, как только поднялась из-за стола и направилась прочь от Роберта как его там по батюшке, понятия не имею. И сейчас я смотрела на свою открытую ладонь со следами от ногтей.

– Сима, что он от тебя хотел?

Люба выскочила следом за мной, ухватила за мой локоть. А сама в тревоге заглядывала мне в лицо. Я сделала вдох, настраиваясь на спокойный, уравновешенный тон. Даже улыбнулась золотке.

– А чего обычно хотят такие типы? – ответила я вопросом на вопрос. – Всё, как обычно. Пошлый, наглый придурок, вот и всё.

Люба всё ещё смотрела на меня с недоверием, пыталась поймать мой взгляд.

– Мне показалось, что вы разговаривали долго. И как-то не по-доброму.

– Чёрт бы с ним, – попыталась отмахнуться я от Любиных тревог. Оглянулась на двери ресторана. – Галя где?

– Танцует. Отбила назад своего воздыхателя, вряд ли теперь его далеко от себя отпустит. Там конкуренция.

– Понятно. Что ж, пусть веселится, а я, пожалуй, поеду домой. Не хочу туда возвращаться.

– Я с тобой, – тут же ответила Люба.

– Уверена? Я порчу тебе вечер...

– Во-первых, портишь не ты, а всякие опасные типы, а, во-вторых, у меня тоже пропало всякое желание здесь оставаться. Поедем домой. Можно, я к тебе?

Я рассеянно кивнула.

– Если хочешь.

Я осталась стоять на улице, поджидая возвращения Любы, которая вернулась за сумкой и проститься с Галей. Вызвала такси, а сама без конца оглядывалась. Во мне снова, как когда-то, поселилась тревога. Думаю, и мания преследования тоже вернётся совсем скоро, к гадалке не ходи. Вот только, скорее всего, это будет совсем не мания, ничего выдумывать мне в этот раз не придётся.

Когда мы с Любой садились в такси, я заметила тёмный седан, что появился на углу улицы. Наше такси с места тронулось, я оглянулась, посмотрела в заднее стекло автомобиля, увидела, как седан двинулся следом за нами. Они даже не скрывались, черти. Я снова развер-

нулась, сложила руки на груди и вздохнула. Раздумывать в данный момент, что предпринять, было бесполезно. В моей голове крутилось лишь одно слово: «Беги». Вот только куда?

– Вот ведь негодяй, – посетовала Люба, когда мы с ней вскоре оказались в нашей с Серегой квартире. Она скинула с ног туфли на каблуках, расхаживала по комнатам, пользуясь тем, что брат не ночует дома, затем переоделась в его халат. – Испортил нам вечер.

– Ты про кого? – спросила я её, хотя прекрасно поняла.

– Да Роберт этот. Дурацкое имя, правда?

Я кивнула. Затем подошла к кухонному окну и аккуратно выглянула из-за занавески, посмотрела вниз, во двор. Тёмный седан нахально стоял прямо под нашими окнами. Да что же это? Они теперь здесь поселятся?

Утром я проснулась в том же мрачном настроении, в котором вечером легла спать. Точнее, я легла, но уснуть долго не могла, крутилась с боку на бок. Гадала, могу ли я теперь так рисковать, чтобы позвоните Грише с Таей, поговорить с ними. А ведь нужно ещё придумать правдоподобное объяснение того, что некоторое время я не смогу появляться. И объяснение это должно быть сколько правдоподобным, столько и не пугающим. Не хочется, чтобы Тая тряслась от страха, прячась в доме вдвоём с ребёнком. Мы ведь с ней не раз обсуждали то, как удачно нам удалось скрыться, затеряться на просторах нашей большой страны. Что нас никто не ищет, и, вообще, пора прекращать бояться. Тая не раз говорила мне, что пора начинать жить нормальной жизнью.

– Ты молодая, – говорила она мне, – тебе влюбиться надо, замуж выйти, ещё ребёнка родить.

– Может, хватит мне мужей?

– Ничего не хватит, – нетерпеливо махала она на меня рукой. – Тебе по-настоящему надо, по любви. Жизнь-то одна, Сима.

Вот сейчас я, как никогда, готова с ней согласиться. Жизнь одна, и она мне, оказывается, чрезвычайно дорога. Я здорово напугана.

– Сегодня пойду на собеседование, – вздохнула Люба за завтраком.

Яковыряла вилкой омлет и то и дело поглядывала в окно. Вчерашний автомобиль из зоны видимости исчез, но это ничего не значило. Во-первых, ребята могли решить не мозолить мне зря глаза, а, во-вторых, им на смену могли приехать другие, на другой машине. Вон их во дворе сколько, пара десятков точно. И я ни одну из них толком не помню, может, соседские, а, может, и бандитские.

– Слышишь, Сим?

Я глаза на золовку подняла, с готовностью кивнула.

– Слышу. Хорошо.

Люба опустила глаза, ела она куда с большим аппетитом, чем я.

– Ничего хорошего. Зарплаты я годы не увижу, но работать-то надо. Позор, конечно. Так вляпаться... В тридцать лет я снова живу с родителями, они меня содержат, а я работаю на долги любовника.

– Всё будет хорошо, – повторила я заученно.

– Сима, а вам в гостиницу никто не требуется?

Я плечами пожала.

– Не знаю. Но могу узнать, если хочешь.

– Хочу.

– Но ты же понимаешь, что рассчитывать на многое не стоит, Люба? О какой вакансии ты мечтаешь? Самое большое, с чего можно начать, это работа горничной. А уж потом, со временем...

– Я согласна, – кивнула золовка с готовностью. Улыбнулась мне хитро. – Форма горничной – это сексуально, разве нет?

Я рассмеялась, совершенно искренне. Качнула головой.

– Я бы на это особо не надеялась. У нас не съёмочная площадка.

Любу я оставила дома, готовиться к собеседованию. Она выпросила у меня строгое серое платье, умоляюще на меня смотрела, и я не смогла отказать. Хотя, не отказала, наверное, потому, что не совсем представляла, как золетка в него втиснется. Мы заметно различались с ней фигурами, особенно, пышностью форм. Правда, платье было мягкое, трикотажное, и Люба, наверное, рассчитывала успешно справиться с задачей. Наблюдать за этим было для меня весьма трагично, платье я любила, поэтому решила поскорее уйти на работу. Да ещё Серёга позвонил, правда, не мне, а сестре, и сообщил, что собирается вернуться с минуты на минуту. Интересно, а для чего он предупреждал о возвращении в собственный дом? Да ещё и заявиться после дня рождения с утра пораньше... Явно его что-то не устроило на празднике. И слышать подробностей я не желала. Поэтому поспешила поскорее уйти.

Меня, вообще, душило желание бежать сломя голову. Всё равно куда. И я едва удерживала на лице спокойное, беззаботное выражение. Вышла из подъезда, приостановилась, огляделась по сторонам. Ничего особо подозрительного с первого взгляда заметно не было, но мне казалось подозрительным всё. Даже пьяница, выглянувший из-за кустов с сиренью. Я прошла через двор, прислушиваясь к каждому звуку. Отсчитывала про себя каждую секунду тишины, но вот где-то позади меня завелся двигатель автомашины. Я продолжала шагать вперёд, запретив себе оглядываться. Всё-таки ждала, что незнакомая машина обгонит меня в проулке между домами, времени как раз бы хватило, но водитель не торопился. Я прошла первая, свернула на тротуаре в сторону остановки общественного транспорта. Специально решила сегодня добираться до работы автобусом, чтобы посмотреть, что будет. Станут за мной следить или нет.

Людей на остановке оказалось больше, чем я могла ожидать. Если честно, после покупки своего автомобиля, пусть и старенького, пусть и без нормального кондиционера и всяческих наворотов, которые так любил мой бывший муж, я очень быстро отвыкла от поездок на автобусах. И теперь час пик характеризовался у меня с пробками, в которых я слушала музыку или электронные книги, а не толкалась в толпе несчастных, изнывая от духоты и запаха чужих духов.

Краем глаза я заметила серебристую «Ауди», что выехала следом за мной из моего двора, и остановилась неподалеку от остановки, явно наблюдая за мной. Все сомнения у меня отпали. Я попала. И теперь надо понять, как себя вести с этими придурками. Бегать от них, трястись от страха, или попытаться объяснить, что следить за мной глупо. Я ничего не скрываю, это раз, а два, это то, что взять с меня нечего.

Автобус всё не ехал и не ехал, и я томилась, будто физически ощущая на себе чужие взгляды ребят из «Ауди». Наверняка они разглядывают меня. На кого ещё им смотреть, правда? Вокруг меня больше ничего интересного не происходит. Я достала из кармана телефон и посмотрела время. Если так пойдёт дальше, и я продолжу стоять здесь под их взглядами, чувствуя себя куропаткой на прицеле, то опоздаю на работу.

Я решила в один момент. Не смотрела в их сторону, ничего не обдумывала. Просто повернулась и направилась к их автомобилю. Думаю, они совершенно этого не ожидали, и до последнего не думали, что я направляюсь к ним. Возможно решили, что я забыла что-то дома, и собралась вернуться. А я подошла к «Ауди», двигатель которой завёлся за секунду до того, как я дёрнула на себя ручку задней двери. Наверное, мальчики решили сбежать, скрываясь от моего внимания, но не успели. Без лишних слов я села на заднее сидение, пристроила рядом с собой пакет с формой. А своим удивлённым провожатым сказала:

– Раз уж вы всё равно за мной следите, то отвезите на работу. Так всем будет проще. Куда везти, подсказать?

Молодые ребята довольными не выглядели, скорее, чуть смущёнными из-за того, что их поймали, а ведь не должны были, наверняка, они мнили себя шпионами или толковыми сле-

допытами. А тут такая неувязочка. Они переглянулись между собой. Один из них недовольно проговорил, не оглянувшись на меня:

– Не нужно.

Автомобиль тронулся с места, а я про себя вздохнула и загрустила. Не нужно им... Всё уже признали.

ГЛАВА 5

Галя на работе появилась явно не выпавшейся и оттого немного грустной. Хотя, судя по её хитрым взглядам в мою сторону, грустить ей было не из-за чего.

– Вы чего с Любой сбежали вчера? – спросила она меня в раздевалке. – Бросили меня одну...

– А тебе нужен был кто-то рядом? – с намёком переспросила я. – Кажется, ты и сама отлично справилась.

– Ну, справилась, конечно, не в первой. Просто странно.

– Что?

– Как быстро вы сбежали. Неужели ты так сильно испугалась этого типа?

– Какого типа? – прикинулась я непонимающей.

– Люба мне сказала, что тот лысый Казанова к тебе подкатывал. Настойчиво так подкатывал, всеми колёсами.

Я от Гали отвернулась, делая вид, что занята переодеванием. Застёгивала кучу маленьких пуговиц на белой блузке.

– Чёрт бы с ним. – Я намеренно пренебрежительно фыркнула, пожала плечами, якобы равнодушно. – Просто не люблю таких мужиков. Наглых. От них слова доброго не услышишь, все вокруг им должны.

– Это, конечно, да, неприятно.

Я глянула на приятельницу через плечо.

– Ты обиделась?

– Из-за вашего ухода? Нет,нисколько. – Галя загадочно улыбнулась, продолжая поглядывать на меня с хитрым прищуром. Потом потянулась, как кошка. – Женечка меня порадовал ночью. Все обиды, как рукой сняло.

Я усмехнулась.

– Его зовут Женя? Не люблю это имя.

– Да что мне имя? – засмеялась Галя, а я согласно кивнула.

Через несколько минут мы с ней уже заняли рабочие места за стойкой информации. Я просматривала журнал приёма смены, но то и дело окидывала фойе гостиницы ищущим взглядом. Не знаю, кого я надеялась найти, а, может, наоборот, чего не надеялась увидеть, но внутри меня включилась функция самосохранения, как когда-то, и все вокруг казались мне подозрительными.

– Доброе утро. Можно вызвать мне такси?

Я подняла глаза, заслышав приятный, рокошущий баритон совсем рядом. Заученно улыбнулась прибывшему вчера постояльцу. Кажется, Иван Олегович. Адвокат из Москвы.

То, что он адвокат, это было моё предположение, а вот то, что прописка у него московская, я успела разузнать. С интересом пролистала страницы его паспорта. Тридцать восемь лет, московская прописка, штампов ни о браке, ни о разводе не имелось, а также детей в паспорт вписано не было. Не знаю, чем он меня заинтересовал, я редко лезла со своим любопытством в чужие паспорта, а вот Иван Олегович моё внимание привлёк. В конце концов, раз ему приглянулось моё имя, то почему бы мне не заинтересоваться его?

– Да, конечно, – проговорила я, приподнимаясь со стула. Набирала номер службы такси на городском аппарате, а сама, как бы между делом, поинтересовалась: – Адрес назначения назовёте?

Иван Олегович стоял передо мной, пристроив локоть на высокой стойке ресепшена, и этим утром совсем не выглядел представителем своей строгой профессии. На нём был надет лёгкий свитер, голубые джинсы и тканевые мокасины. Смотрелось всё просто, демокра-

тично, но я примерно представляла стоимость его гардероба. Лично я на свою одежду столько не зарабатываю. И мой бывший муж столько никогда не зарабатывал. Может, потому, что я не настаивала? Хотела бы я каждый год новую шубу за пару сотен тысяч рублей, может, Серега нашёл бы себе другую работу? Или подработку. Старался бы, крутился, и меня бы больше любил. Не зря же говорят, что мужчины ценят ту женщину, в которую вкладывают деньги и усилия. А я всё сама, сама... Дура, одним словом.

Я задала Ивану Олеговичу вопрос, выпрямилась с трубкой у уха, посмотрела на него, и мы как-то неожиданно оказались с ним лицом к лицу, глядя друг другу глаза в глаза. Он смотрел на меня спокойно, с лёгким оттенком заинтересованности, а я неожиданно занервничала. Вдруг поняла, что выгляжу, наверное, как-то не так. В форменном одеянии, услужливая, с подобострастной улыбкой на губах...

– Адреса я не знаю, – проговорил он, в конце концов. – Ресторан в центре... – Он вдруг щёлкнул пальцами прямо перед моим лицом. – «Устрица» какая-то.

– «Тосканская устрица», – машинально подсказала я. Новый ресторан с дурацким названием, который совершенно не подходил к колориту нашего туристического, провинциального городка. А Иван Олегович согласно кивнул.

– Точно. Вот туда меня и отправьте. Будьте добры.

Он был до тошноты вежлив. И улыбался чересчур мило и проникновенно. А ещё поправлял очки на носу особым, чисто интеллигентным жестом. Наверняка, вся его жизнь состоит из таких правильных, выверенных каждодневных мелочей. Его жизнь идеальна. В каких-то моментах скучна, но зато правильна. Порой мне хотелось стать таким человеком, жить предсказуемой, неопасной жизнью, до зубного скрежета выверенной работой и привычками.

Я передала информацию диспетчеру службы такси, вернула телефонную трубку на рычаг, после чего посмотрела на Ивана Олеговича. На этот раз без улыбки.

– Такси подъедет через пять минут.

– Замечательно, – сказал он. И вдруг мне улыбнулся. Правда, без всякой пошлости, намёка, его улыбка была проста, открыта и непритязательна. – Красивая девушка с удивительным именем.

Я скромно опустила глаза. А Иван Олегович головой качнул.

– Насколько помню, мою прапрабабку, если не путаю, звали Серафимой. Поэтому я и обратил внимание на ваше имя. Вы уж простите меня за назойливость.

– Вы совсем не назойливы.

Он вдруг вздохнул, побарабанил длинными пальцами по полированной стойке. Кажется, уходить не торопился.

– Не знаете, в этой «Устрице» нормально кормят? Завтраком меня накормят?

Я всё-таки улыбнулась.

– Думаю, наверняка. Голодным не оставят.

– Клиент назначил там встречу, да ещё так рано. А я совершенно не знаю ваш город.

– Город у нас маленький, быстро сориентируетесь. А завтраки, кстати, у нас в гостинице замечательные подают. Несмотря на то, что шведский стол. Если задержитесь у нас, сможете попробовать.

– Думаю, придётся задержаться на несколько дней.

Что я должна была ему ответить на это? Что очень рада?

– Вас такси ожидает, – подсказала я ему.

Иван Олегович вдруг встрепенулся. И снова улыбнулся мне, несколько рассеянно.

– Да, конечно. Спасибо, Серафима.

Слышать своё имя полностью было непривычно, меня никто так никогда не называл. И я совершенно автоматически проговорила:

– Меня все зовут Сима.

Филатов приостановился, продолжал смотреть на меня, будто не в силах оторвать от меня глаз.

– Я запомню.

Когда он наконец ушёл, точнее, повернулся и широким шагом направился в сторону крутящихся дверей, я смогла выдохнуть. Даже не заметила, что последние минуты пребывала в непонятном напряжении. А тут и Галя на меня наскочила, приобняла за талию и захихикала на ухо.

– Ого, какие страсти.

Я повела плечами, вроде как в попытке её от себя отодвинуть. И фыркнула.

– Что ты глупости говоришь? Какие страсти?

– Самые настоящие. Мужчинка-то дар речи от твоей красоты потерял. А ты ещё такая: «Меня зовут Сима», – изобразила она грудной, волнующий говор. Я тут же возмутилась.

– Не придумывай, я так не говорю!

Галя расхохоталась, отодвинулась от меня.

– Уверена, что он услышал это именно так.

– Какая разница, что он услышал?

– Сим, он тебе не понравился? Симпатичный мужик.

– Галя, он постоялец.

– И что?

– А то, что через несколько дней он уедет.

– Ну, знаешь ли, иногда не нужно быть такой разборчивой. Не нужно сразу мысленно себе свадебное платье подбирать. Порой надо просто плыть по течению.

– Меня всё равно интересует, куда это течение меня несёт. В какую сторону.

– В сторону любви, молодости и наслаждения, – промурлыкала Галя, тут же рассмеялась, а я кинула в неё шариковой ручкой. Тоже от смеха фыркнула.

– Замолчи, хулиганка.

Но что бы я сама ни говорила, приятно, когда тебя замечают, когда ты нравишься, когда мужчина забывает обо всём при одном взгляде на тебя. Сразу самооценка повышается, чувствуешь себя красавицей. Даже об униформе забываешь.

Сегодня мне предстояло отработать целые сутки. Временами нам ставили такой график, когда наплыв гостей в гостинице превышал семьдесят процентов. А тут заселились сразу две группы китайских туристов, и мы сразу стали напоминать перенаселённую Азию. Днём они разъезжались на экскурсии, а вот вечером этажи гостиницы, казалось, кишели китайской речью, суетой, смехом и какими-то сборами небольших групп гостей то в ресторане, то в холле перед телевизорами, то в самых неожиданных местах для фотосъёмки.

– Главное, чтобы не случилось никаких неприятных инцидентов, – вздохнул Николай Аркадьевич, неизвестно зачем появившись в гостинице в субботу вечером. Обычно он подобным не грешил, а тут, видимо, любимая супруга оставила его одного, и он не знал, чем заняться. Приехал и теперь снова на меня тарашился. С утра один тарашился, вечером вот другой. Вот только прока от этих игр в гляделки никакого абсолютно. Так и хотелось заперезживать по поводу того, что дырку во мне протрут.

– Ничего не случится, – зачем-то пообещала я начальству. – К десяти они обычно расходятся по своим номерам, и до утра не выходят.

– Дай Бог. А то, помнишь, немцы приезжали? Что ни ночь, то фестиваль. Менты, как на работу к нам ездили.

– То немцы. Они громогласные и шумные.

Николай Аркадьевич недовольно поджал губы, а в такт моим словам покивал.

– А эти незаметные. И их много. Потеряем кого, проблем не оберешься.

– Почему мы должны кого-то терять? – удивилась я. – Они все взрослые люди. Сами за собой отлично присматривают.

Николай Аркадьевич устремил на меня серьёзный взгляд, посмотрел мне в лицо, после чего взгляд его как бы сам собой сместился ниже, куда-то в район моей груди. Я старалась сохранить на лице нейтральное выражение. Смотрела на него и ждала, когда начальник опомнится. Прошло секунд тридцать, и Николай Аркадьевич, нервно кашлянув, от меня отвернулся. Я всеми силами делала вид, что разглядывал он меня совершенно незаметно, и меня происшедшее нисколько не покорило.

– Я ещё побуду в гостинице, – сказал он мне, – если кто будет меня спрашивать, проводи вниз.

– Вниз? – удивилась я. Внизу у нас располагались хозяйственные помещения, и обычно если кто и проводил там время, то это сотрудники. Помощники повара, официанты, уборщики, рабочие, временами горничные устраивали чаепитие вдали от глаз управляющего и руководства. В общем, всем, о чем начальству не нужно было знать, они занимались именно там. Отдыхали, болтали, смотрели футбольные матчи временами, превращая хозяйственные помещения едва ли не в спорт-бар. И почему-то все в гостинице были свято уверены, что владельцы об этом ничего не знают. А вот теперь Николай Аркадьевич зачем-то собрался вниз. Но не допрашивать же мне его, правда? Поэтому я молчала, лишь в ожидании смотрела на него. Он моего выжидающего взгляда не понял, только кивнул, подтверждая, затем развернулся и пошёл прочь. А я мысленно пригорюнилась. Что-то мне подсказывало, что ночь моего дежурства простой не выдаться.

Но поначалу, часов до десяти вечера, всё проходило в штатном, так сказать, режиме. Постояльцы возвращались с экскурсий, прогулок по городу, из ресторанов после ужина, кто-то разговаривал, сидя в креслах в холле гостиницы. Китайские туристы с энтузиазмом выискивали новые места для фотосъемки, пару раз ко мне обратились с просьбами о помощи, но проблемы были настолько мелкими, что я с чистой совестью перепоручала заботы более младшему по должности персоналу. В общем, со всем справлялась и всё разруливала, запросто.

А потом случилось кое-что неприятное. Совершенно неожиданно для себя, я увидела своего вчерашнего знакомого, Роберта Лысого. Звучит прямо как имя какого-нибудь зловерного короля из Средневековья. Но ни с чем другим у меня этот человек, судя по всему, ассоциироваться упорно не хотел. Так вот, Лысый совершенно нахально вошёл в гостиницу через главный вход, приостановился, огляделся, и уверенно направился мимо стойки ресепшена к лифтам. Я в молчании и некоторой растерянности наблюдала за ним. Совсем не ожидала, что он может здесь появиться. Разве что при самом плохом развитии событий, по мою душу. Но Роберт в мою сторону даже не взглянул. Или намеренно сделал вид, что меня не замечает. От такого коварного типа всего чего угодно можно ожидать. Он прошёл через весь холл, вызвал в лифт, и через минуту уже скрылся из моего поля зрения. А я продолжала стоять за стойкой, ощущая жуткое напряжение, и мысли в голове скакали, вызывая в душе панику и сумятицу. А ещё пыталась припомнить, возможно, я и раньше его здесь встречала, просто мне до этого человека никакого дела не было? Что ему, вообще, может понадобиться в нашей гостинице?

Прошёл час. Я сидела на своём месте, поглядывала на экран компьютера, на котором отображалась съемка камер слежения, установленных в некоторых особо многолюдных обычно местах гостиницы, но Роберта ни в одном из них за целый час я не заметила. Переключалась с одного вида на другой, пока ко мне не подошёл охранник и не поинтересовался, что я так усердно пытаюсь высмотреть на мониторе. Так я узнала, что охрана может наблюдать не только за тем, что происходит в гостинице, но и за тем, что делаем мы за стойкой ресепшена. Неприятное, но весьма полезное открытие.

В ответ на вопрос я пожала плечами, а Илье, нашему молодому, привлекательному представителю охранной службы, откровенно поведала о своём беспокойстве:

– Николая Аркадьевича не видел? Он как пришёл вечером, так больше и не показывался. Сказал, куда-то вниз пойдёт...

– Ну да, он внизу. А ты его зачем ищешь?

– Да ни за чем я его не ищу, – чуть возмущённо фыркнула я. – Надо же знать, уехало на начальство или нет.

Илья понимающе усмехнулся, навалился на стойку всем своим весом, наклоняясь ближе ко мне. И сообщил таинственным шепотом:

– Не уехало. Так что, держи ухо востро.

Что за напасть сегодня такая?

Для окончательного убийства моего настроения, позвонила Люба, и принялась намёками и полунамёками рассказывать мне о том, как мой бывший муж провёл время на дне рождения друзей. Без меня. Я понимаю, что Люба хотела сделать, как лучше, поступить, как настоящая подруга, и, наверное, она мучилась сомнениями, кто она больше – подруга мне или сестра, близкий человек для брата. Оттого и говорила со мной дурацкими полунамёками. Я её слушала и впадала в уныние. Не оттого, что у бывшего, возможно, судя по всему, скорее всего, кто-то появился или вот-вот закрутится серьёзный роман, а оттого, что мне на всё это как-то надо реагировать, а у меня попросту нет на это сейчас сил. И меня, по всей видимости, снова сочтут бессердечной, равнодушной и холодной. Не женщина, а сосулька замороженная в эмоциональном плане. Если честно, мне надоело такой быть. Но объяснить окружающим, отчего я не испытываю по некоторым жизненным аспектам бурных эмоций, я не могла. Не умела, наверное. Поэтому временами приходилось притворяться. Вот только сегодня, да и в связи с последними событиями в жизни, сил на притворство у меня не было. Так что, в какой-то момент я протяжное, запинаящееся повествование бывшей золовки перебила и открытым текстом поинтересовалась:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.